

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#5 2022 (56)

Учредитель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзаринов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Айменов А.Ж. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ПРАКТИКАХ СТУДЕНЧЕСТВА КАЗАХСТАНА	4
Бросов А.С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....	14
Васильева Д.В., Гусев С.Н., Ефлова М.Ю., Шамсутдинова И.И. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА	19
Гимадеева Д.Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ	23
Грабельных Т.И., Малых М.М. СПЕЦИФИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	27
Кулиш В.В. «ЯДРО» И «ПЕРИФЕРИЯ» В СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	30
Латышев Д.М. ПОЛЕЗНАЯ И ВРЕДНАЯ ПИЩА В ПРАКТИКАХ ПИТАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19	37
Малых М.М., Грабельных Т.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	42
Маяковская А.В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНЬ)	46

Aymenov A.Zh. LEGAL CULTURE IN REPRESENTATIONS AND PRACTICES STUDENTS OF KAZAKHSTAN.....	4
Brosov A.S. THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF SOCIAL FEOR IN SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCES	14
Vasilyeva D.V., Gusev S.N., Eflova M.Y., Shamsutdinova I.I. FEATURES OF THE FORMATION OF YOUTH POLICY IN THE FIELD OF PATRIOTITIC EDUCATION ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF KAZAN FEDERAL UNIVERSITY	19
Gimadeeva D.R. TRANSFORMATION OF GENDER INEQUALITY IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION.....	23
Grabelnykh T. I., Malykh M.M. THE SPECIFICS OF THE IMPACT OF NATIONAL AND DEMOGRAPHIC FACTORS ON THE FORMATION OF CONSUMER BEHAVIOR OF THE POPULATION OF MODERN RUSSIA.....	27
Kulish V.V. "CORE" AND "PERIPHERY" IN THE CONTENT OF HISTORICAL MEMORY.....	30
Latyshev D.M. USEFUL AND HARM FOOD IN NUTRITIONAL PRACTICES OF THE ORTHODOX YOUTH IN EKATERINBURG IN PANDEMIC COVID-19	37
Malykh M.M., Grabelnykh T.I. TRANSFORMATION OF MODELS OF CONSUMER BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE NEW GEOPOLITICAL AND PANDEMIC REALITY	42
Mayakovskaya A.V. EDUCATIONAL MIGRATION AND PRACTICES OF SOCIAL ADAPTATION NONRESIDENT STUDENTS (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF KAZAN)	46

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ПРАКТИКАХ СТУДЕНЧЕСТВА КАЗАХСТАНА

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.4-13

Аннотация. По результатам двух авторских социологических исследований методом анкетирования и глубинного интервью, проведенных среди студентов Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), Шымкент, и выявлен низкий уровень правовой культуры казахстанского студенчества. Это сопровождается следующими особенностями: наличием интереса к правовой проблематике и общим пониманием сложной ситуации с защитой прав граждан, которые граничат с недоверием и низкой культурой обращения в правозащитные структуры; скептическим настроением касательно изменений в политико-правовой области; низкой гражданской активностью, пассивностью и игнорированием ситуаций, связанных с нарушением прав; правовым нигилизмом. Эти особенности указывают в том числе и на то, что в стране нестабильно работает система защиты прав граждан, не до конца сформировано гражданское общество, все еще не выработана эффективная система повышения правовой культуры, распространения качественной правовой информации, не сформирован механизм применения правовых знаний на практике. Все это значительно затрудняет процесс формирования и повышения правовой культуры студенчества в будущем и замедляет процесс развития гражданского общества.

Ключевые слова: казахстанское студенчество, правовая культура, правовая грамотность, правовая активность, правовой нигилизм.

Правовое, гражданское общество может быть жизнеспособным только тогда, когда его члены имеют высокий уровень правовой культуры и свободны в своем выборе и способны самостоятельно отвечать за свои действия. Уровень правовой культуры показывает, на какой стадии формирования находится гражданское общество и его правосознание. Актуальность социологического исследования правовой культуры студентов обусловлена тем, что именно эта передовая часть молодежи является важным фактором развития всех сфер жизни общества, определяя в значительной степени его перспективы. Более того, формирование правовых ценностей гражданина Казахстана является важной частью процесса воспитательной работы, становления профессиональной компетенции молодой личности [1].

В настоящее время назрела проблема социализации молодых людей, адаптации к работе в рыночных условиях, умения ориентироваться на современном рынке труда и знать свои права [2, с. 57-59]. Так, если в дорыночную эпоху индивид мог довольствоваться неким «правовым минимумом», то увеличение степеней свободы и повышение уровня личной ответственности потребовали совершенно иных

юридических компетенций. Вместе с тем, наблюдается противоречивость тенденций трансформации правовой культуры, выражающаяся в развитии правового нигилизма студенческой молодежи, что негативно отражается на социальной ценности права и его реализации в повседневной и профессиональной деятельности молодежи, студентов [3]. Именно поэтому повышение правовой культуры студентов является актуальным требованием образовательно-воспитательного процесса в вузах требует исследовательского внимания.

Вопрос правовой культуры студентов достаточно активно изучается правоведами (А.Г. Миронов [4], К.Е. Нор [5], и др.). С социологических позиций правовая культура студенчества исследовалась гораздо реже и связывается с такими именами, как: Е.И. Григорьева [6], Е.В. Грунт [7], М.А. Дорофеева [8]. В Казахстане – это работы Б.М. Таскенова [9], Г.Р. Шамьеновой [10]. В них раскрывается специфика социологического подхода, в котором формирование правовой культуры рассматривается как многомерный и разнонаправленный процесс становления личности в качестве гражданина.

Вместе с тем, эффективные пути повышения правовой культуры молодых казахстанцев и особенно студенчества еще не выработаны, правовая грамотность среди населения, включая студентов, страны остается невысокой. Более того, в Республике Казахстан испытывается жесткий дефицит социологических исследований формирования правовой культуры студентов, что и обусловило авторское обращение к данной теме.

Сегодня многие опрашиваемые уже вовлечены во многие сферы общественных отношений, регулируемых правом, а значит, являются активными участниками правоотношений. Правовое поведение студенчества в различных сферах позволит выявить особенности их правовой культуры. Индикаторами степени ее сформированности в студенческой среде выступают правовая грамотность, правовая активность, правовые установки. Правовая культура студентов может иметь низкий уровень, который не совпадает с требованиями общества по отношению к поведению студента как субъекта правомерной деятельности; должный уровень, который отражает в основном правовые ценности общества и его требования к субъекту права; высокий уровень, который проявляется развитием правосознания и социально активном поведении [10].

Эти позиции и были заложены в основу авторского социологического исследования студентов Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), г. Шымкент, методом анкетирования. По вероятностной квотной выборке было опрошено 486 студентов различных специальностей всех курсов. Критерии отбора – факультет, курс, возраст, пол. Результаты опроса обрабатывались на базе программы SPSS.

Дополнительно к этому в январе 2021 года было проведено глубинное интервью. По целевой выборке проинтервьюировано 16 информантов в возрасте от 19 до 22 лет, которые столкнулись с нарушением своих прав. Все информанты проживают в г. Шымкент и обучаются на гуманитарных и технических направлениях Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН).

Результаты опроса показали, что среди студентов осторожно, но позитивно относятся к правовой культуре как жизненной необходимости – 43,3% опрошенных. Считают ее очень важной для практики 35,1% респондентов. Однако 20,7% студентов полагают, что она мало помогает в современной жизни. По сути мы столкнулись с тем каждый пятый студент мягко выказал правовой нигилизм. Характерно то, что во время глубинного интервью большинство информантов выразили скептическое отношение к соблюдению правовых норм в современном Казахстане. «Это долгая тема для разговоров. Если кратко, то никто ничего не соблюдает законов, потому что уверен, что все решают деньги!», «в нашей стране только упрямый додик

соблюдает законы, серьезным ребятам закон не писан, это факт»; «У нас законы пишутся таким образом, чтобы все их нарушали».

Нигилизм (от лат. Nihil – ничто) в широком смысле означает отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры и т.п. [10]. Можно согласиться с Н.М. Русановой [11], которая трактует правовой нигилизм как проявление нестабильного и недостаточно развитого правового сознания. По сути это – проявление наиболее распространенная форма деформации правовой культуры современного казахского общества. И. Иванов [12] обратил внимание на структуру правового нигилизма: в нем тесно переплетены правовая неосведомленность, скептические стереотипы и предубеждения. Более того, неверие в законодательное право нередко достигает такой степени, что человек отказывается от реализации своих законных интересов, лишь бы «не связываться с правом». Распространение нигилизма в казахстанском обществе означает, что государство как управляющая система пренебрегает правом либо использует его не по назначению, в силу чего происходит процесс отчуждения общества от права.

Можно согласиться с В. В. Загородским, что под деформацией правовой культуры следует понимать внешние формы поведенческой активности, доказывающие, что субъект правового поведения не считает нужным для себя сверять собственное поведение с правовыми установками и демонстрирует свое пренебрежительное либо отрицательное отношение к ним. Он выделяет наиболее распространенные формы и способы выражения правового нигилизма в общественной правовой культуре. 1. Повсеместное несоблюдение и неисполнение требований законов и иных нормативных актов. 2. Подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью. 3. отождествление права с фактическим действием властных структур. 4. Неуважение к суду и правоохранительным органам и т.д. [13]. Это вероятно вызвано переходными проявлениями как в казахстанском обществе, так и в вузовской системе, общей незрелостью правовой системы РК, противоречивой правовой идеологией, административным нигилизмом, которые часто провоцируют деформацию правовой культуры, способствуют появлению деморализации, активизации криминального мира, падению нравственности.

Подавляющее большинство респондентов (93,5%) отметили, что знание своих прав необходимо, и лишь 6,5% считают, что нужно ограничиться правами, которые имеют значение в сфере их интересов. Это свидетельствует о том, что студенческая молодежь осознает ценность и преимущество знания права. Осознание этого момента говорит о том, что низкий уровень правовой

культуры в студенческой среде можно скорректировать, поскольку молодые люди понимают, что получение правовой информации им необходимо.

34,7% студентов рассматривают правовую культуру как ограничитель личной свободы, 11,9% как цензора поступков личности (Таблица 1). 20,2% воспринимают ее – как естественное состояние людей в обществе, 12,9%, считают, что она свойственна узкому кругу лиц, 12,0% интерпретируют ее как способ вмешательства государства в личную жизнь, 8,3%, – как пережиток прошлого. Иными словами, 58,6% студентов правовую культуру воспринимают с позиций ее рамочного характера, препятствующего антиобщественному поведению индивидов. И только каждый пятый увидел в ней естественный характер жизнедеятельности в обществе, возможности социальной защиты и стабильности социума.

Таблица 1

Восприятие студентами термина «правовая культура»,
% к опрошенным

Смысл термина «правовая культура»	%
ограничителем личной свободы	34,7
естественное состояние людей в обществе	20,2
свойственным узкому кругу людей	12,9
способ вмешательства государства в личную жизнь	12,0
цензор поступков личности	11,9
пережитком прошлого	8,3
Итого	100

Выражая свое отношение к правовой культуре, большинство информантов в ходе глубинного интервью заняли двойственные позиции. С одной стороны, участники интервью отмечали важность и значимость правовой культуры в жизни российского общества. *«Вообще-то правовая культура нужна, но только в нормальном, полностью правовом государстве, не таком, как в нашей стране»; «с одной стороны закон, в какой-то мере, ущемляет свободу человека, но при других раскладах общество просто не выжило бы без них».* Большая часть опрошенных студентов считает, что правовая культура выступает составным элементом общей человеческой культуры. *«Культурный человек культурен и в праве», «конкретный нравственный, общечеловеческий уровень, прививаемый обществом».* При том, некоторые информанты высказывали мнение, что правовая культура сопоставима правовым знаниям. *«Пожалуй, – с некоторыми знаниями о праве в голове».*

С другой стороны, многие респонденты высказали мнение о том, что правовая культура РК, особенно со стороны государства, не выполняет возложенных на нее функций, поэтому не может рассматриваться в качестве надежного

регулятора культурной и социальной жизни социума. *«Невозможно жить с только по законам права, ты будешь выглядеть полным идиотом в глазах тех крутых, кто чихать хотел на закон. Вы на улицу выйдете и все сами увидите».* Для некоторых участников интервью правовая культура выступает неким «ограничителем свободы человека».

Опрос показал, что 53,2% студентов избирательно относятся к правовым нормам. Вместе с тем, 31,8% участников исследования в своих поступках всегда ориентируются на право. Скептически относятся к нему 13,2%. Полученные данные дают нам право полагать, что казахстанская студенческая молодежь отличается нигилистической избирательностью по соблюдению правовых норм государства. Можно предположить, что это связано с ситуационностью. Обращение к праву становится необходимым в случае каких – то нарушений или ущемления интересов студентов. Игнорирование правовых норм сопряжено с возможностью избежать наказания за какое-либо неправомерное поведение. Иными словами, правовые нормы слабо интегрированы в повседневную ткань жизни казахстанских студентов.

Ряд информантов признались, что от нарушения законов их удерживает только боязнь принудительных действий со стороны правоохранительных органов и государства. *«Для принятия решения я всегда сравниваю, сколько мне будет стоить нарушение данного закона?»; «я стараюсь соблюдать законы. Но Вы сами должны понимать, что случаются ситуации, когда нарушить закон бывает необходимо, иногда жизненно необходимо».* Одним словом, избирательное мнение о неизбежности нарушения гражданских и правовых законов в современном Казахстане высказывали большинство опрошенных, что, несомненно, вызывает большую тревогу.

Эта избирательность на практике проявляется, например, по отношению к тому, что согласно законодательству республики, многие студенты, получившие образование за счёт государства по различным программам в обязаны после окончания учебного заведения три года отработать в организациях РК по распределению [14]. В случае нарушения указанного требования студент должен возместить государственные расходы. В 2020 г. только в рамках государственной программы «Серпін» это обязательство нарушили 1084 из 1592 молодых специалистов [1].

Вернемся к результатам опроса. Респондентам был задан вопрос, направленный на выявление их представлений о главных функциях права в жизни общества. Треть из них считают, что права регулируют поведение людей (29,8%), упорядочивают экономические отношения – 21,5%. Для 19,2% студентов право формирует общечеловеческие ценности. 14,8% опрошиваемых выбрали вариант ответа «расширяет кругозор» и 14,7% «закрепляет политический строй общества». Право, представляется студенчеству как

главный механизм, регулирующий поведение индивидов во всех сферах общества, а также как один из источников формирования общечеловеческих ценностей. Можно сделать вывод, что у студенчества есть общее осознание и понимание важности регулирующей и охранительной функции права, а значит, есть база для развития правовой компетентности.

Вопрос «для чего нужно знать свои права» дает конкретное представление студентов о пользе осведомленности о своих правах. 44,4% отметили, что права нужно знать для уверенности в своей безопасности, 36% указали, что «для развития гражданского общества в стране». Реже выбирали ответ «для выполнения запросов общества», всего 19,6%. На основании полученных данных, можно сделать вывод, что главным для студенческой молодежи в изучении прав является обеспечение личной безопасности. В тоже время, часть осознает, что существование эффективной системы защиты прав возможно при наличии гражданского общества, а для того чтобы этот институт начал успешно функционировать, необходимо знание прав, поэтому на втором месте оказался именно этот ответ. Однако, обеспечение безопасности и развитие гражданского общества осуществимо лишь при совместной работе, когда каждый член общества стремиться не только защищать свои права, но и участвовать в обеспечении и соблюдении прав других индивидов, то есть выполнять запросы общества. Но этот вариант студенты выбирали реже всего. Такие установки могут усложнить процесс формирования правовой культуры студенчества и значительно затормозить процесс развития гражданского общества в стране.

Таким образом, студенты в целом осознают ценность права и его основные функции, а также взаимосвязь и важность этих функций для личной безопасности отдельного человека и всего общества. Правовые установки позволяют говорить, что в молодежной среде есть интерес к праву, студенты дают адекватную оценку правовым событиям, сформирована база для повышения правовой культуры. Однако, эта «база» пока что слабая, выявлена значительная доля студентов, в представлениях которых присутствует правовой нигилизм.

Один из немаловажных аспектов правовой культуры молодого поколения является степень ее правовой грамотности. Знание конкретных прав, обязанностей и законов один из важнейших индикаторов, показывающих уровень правовой грамотности. Большинство студентов указали, что они уверенно знают свои права и иногда могут применить на практике – 63,5 %. 25% признались, что знают кое-что, но не могут применить эти знания на практике. Меньше всего респондентов – 11,5 % дали своему уровню правовой грамотности высокую оценку, они отлично знают свои права и могут применить их на практике. По этим данным можно

сказать, что в основном студенты, оценивают уровень знания прав как средний, некоторые ниже среднего, однако применение этих знаний на практике у многих вызывает трудности. Это позволяет сделать вывод, что студенты не очень хорошо владеют правовыми компетенциями и имеют невысокий уровень правовой грамотности.

Самооценка студентами знания своих прав не дает полной картины о правовой культуре в этой среде, поэтому, были заданы вопросы, направленные на выяснение знания конкретных прав, обязанностей, а также, на знание правозащитных организаций. В ходе опроса чаще назывались основные права, закрепленные в Конституции РК: право на жизнь – 11,1%, право на свободу и личную неприкосновенность – 11,4%, на образование – 11,2%. Немного реже назывались: право на тайну переписки и телефонных переговоров – 10,5%, на частную собственность – 10,7%, на медицинскую помощь – 9,9%, право на неприкосновенность жилища – 8,5%, на социальное обеспечение – 7,9%, выплату заработной платы, возмещение вреда, информацию об условиях труда-8,3%. Меньше всего студенты указывали право на оправление правосудия всего 3,6% и право на благоприятную окружающую среду – 7,0%. Такое расположение ответов отчасти подтверждает, что они знают лишь некоторые основные права. Причем наиболее важные права, которые затрагивают их повседневную жизнь собирали меньше ответов. Это говорит о том, что ситуация с знанием прав в студенческой среде несколько хуже, чем ее оценивают сами студенты.

Соблюдение обязанностей позволяет не только защитить себя, но и не допустить нарушение прав других. Половина респондентов ответили, что знают свои обязанности (51,5%). 47,5 % респондентов знают лишь некоторые свои обязанности. Биполярность ответов отражает самооценку знаний студентами своих обязанностей, которая является средней и не всегда может совпадать с реальной картиной.

Уточняющий вопрос касательно знания конкретных обязанностей показал, что студенты часто называли: обязанность соблюдать Конституцию (14%), уважать права и свободы других лиц (13,7%), обязанность родителей заботиться о детях (12,8%) и платить законно установленные налоги (12,7%), получать основное общее образование (12,5%) и сохранять природу (12%). Реже указывали: обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (11,7%) и защищать отечество (10,7%). Результаты ответов дают основание говорить о том, что студенты немного лучше знают свои обязанности, но в общем, можно сказать что уровень осведомленности о своих обязанностях в студенческой среде средний.

Знание законов позволяет определить, где закреплены основные права и обязанности, на что ссылаться в случае их нарушения. Подавляющее большинство (79,5%)

ответило, что знает законы, а 20,5% ответили, что не знают законов, защищающих их права. В уточняющем вопросе о том, какие законы знают студенты, картина выглядит следующим образом. Вариант «Конституция РК» стал самым выбираемым – 13,5%, гражданский кодекс выбирали чуть меньше (12,1%), закон о защите прав потребителей (11,6%), семейный кодекс (9,5%), закон на свободное передвижение (8,0%), об основных гарантиях прав ребенка в РК (8,0%), кодекс об административных нарушениях (7,4%), об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан (6,8%), о порядке выезда из РК и въезда в РК (6,1%) и жилищном кодексе (5,7%). Результаты дают основание полагать, что студенты слабо осведомлены о законах, знают только основные из них.

В проведенном интервью информанты также показали невысокий уровень знания законов и прав, закрепленных в законах. Лишь 4 информант дал четкий и структурированный ответ и назвал 4 закона РК, но все они относились к сферам, в которых студент чаще себя проявляет. При этом он не смог перечислить свои права. Информантка 1 назвала несколько базовых прав: *«Право на свободу слова, свободу мысли, личное пространство, право на жизнь, на медицинскую помощь»*. Из законов информант вспомнила только запрет на намеренное убийство, ограбление, нанесение увечий, террористический акт, воровство, нанесение вреда здоровью, изнасилование. Информант 5 не вспомнила основные законы, и назвала только право на образование, на жизнь и самореализацию. При личном общении, картина с знанием прав выглядит хуже, информанты называют еще меньше основных законов и прав, сомневаются и затрудняются в своих ответах.

На основе этих данных, можно сделать вывод, что у студенческой молодежи есть только общее представление о законах, защищающих их права. Эти знания часто неструктурированные, мозаичные и затрагивают не все аспекты жизнедеятельности. Стоит отметить, что низкий уровень правовой грамотности подтверждают и российские социологические исследования. В 2017 году был проведен правовой диктант, и 70% процентов россиян показали неудовлетворительный уровень правовой грамотности [15]. Национальная юридическая служба АМУЛЕКС и НАФИ также провела в 2018 году исследование, индекс правовых знаний составил лишь 43% из 100 [16].

Не менее важным является то, откуда студенты получают правовую информацию. Так как этот критерий дает возможность оценить источники и понять, что оказывает влияние на формирование правовой культуры. Наиболее распространенным источником правовой информации стал интернет – 22,1%. С одной стороны, он повышает уровень правовой осведомленности студентов, с другой – нередко упрощает и неточно интерпретирует правовые нормы, что

снижает его практическую полезность для формирования правовой культуры студентов. 19% указали, что помнят свои права со школы, а 17,2% узнают о своих правах из учебников и учебных пособий. Из первоисточников-текстов законов правовую информацию узнают 11,1%. 10,4% респондентов узнают о своих правах от родителей, 7,8% – от сверстников. Телевидение и различные вузовские мероприятия для большинства не являются источником правовой информации, этот ответ выбрали всего – 4,2%. Реже всего выбирали газеты и журналы – 2,8% и радио 1 % респондентов.

Данные свидетельствуют, что интернет – это главный источник правовой информации для студенческой молодежи. Школа как один из важных источников правовой информации оказывает сильное влияние на правовую грамотность студентов, обеспечивая ее устойчивость. Во многих высших учебных заведениях введены курсы права, где закладываются правовые основы. И все же этого недостаточно. Чаще это лекции слабо связаны с практикой. То, что студенты в основном не получают правовую информацию от своего ближайшего окружения, говорит о низком уровне правовой грамотности всего населения, их родителей, друзей, знакомых.

В интервью студенты называли конкретные источники, из которых они получают правовую информацию. Так, информант 3 указала, что в основном получает правовую информацию из федеральных новостных каналов *«по телевизору, на первом или втором канале»*. В интернете источником информации служит лента новостей из групп в социальной сети «вконтакте», таких как «лентач» и «яндекс новости». Информант 2 оговорил, что получает правовую информацию в основном из интернета в этот список, по ее словам, входит *«...просветительные буклеты в профсоюзной организации, различные вебинары, а также Основной закон нашей страны...»* При ответе на уточняющий вопрос про другие источники, например, государственные СМИ. Информант 6 ответил, что выражает недоверие федеральным СМИ, считает важным проверять полученную отсюда информацию, так как в основном она *«под уставной пропаганды»*.

При том, незначительная часть опрошенных студентов готовы выйти за пределы интернет-коммуникаций, лишь тогда, когда сталкиваются с неразрешенными и сложными вопросами. *«Когда что-то очень серьезное, то беру консультацию у специалистов, если простая бытовая ситуация, то могу найти в Интернете»; «сначала обращаюсь к друзьям и знакомым, потом ищу в Интернете»*. Информант 1 также больше читает оппозиционные интернет СМИ. *«По большей части из новостных источников сейчас читаю только «Медузу», что-то узнает из деятельности профсоюза, законов и постановлений правительства. Другие источники считает не достоверными. Анализ ответов на этот вопрос*

показал, что большая часть информантов также склонна получать правовую информацию из различных СМИ, групп в социальных сетях. Лишь один информант получает правовую информацию из телевизионных программ. Первоисточники правовой информации также не очень популярны, такая же тенденция заметна и в количественном исследовании.

Правовая грамотность проявляется не только в правовых установках осведомленности, но и в правовой активности, которая предполагает добровольное, осознанное, инициативное, социально и нравственно ответственное поведение человека. Она означает применение на практике полученных компетенций. Однако у большинства студентов не было соответствующего опыта в правовой сфере (84,1%). Только 11,8% респондентов участвовали в деятельности правовой направленности (в судебных заседаниях, подаче исковых заявлений, отстаивании своих прав в различных инстанциях). Таким образом, одним из важных барьеров на пути формирования правовой культуры студентов выступает дефицит правовой практики.

То насколько часто студенты сталкиваются с правовыми нарушениями и как они ведут себя в таких случаях, также дает представление об их уровне правовой культуры. Попадание в ситуацию, где права были нарушены, осознание этого и попытка решить – показатель уровня правовой активности. Большинство студентов отметили, что они никогда не сталкивались с нарушением своих прав (66%). Только 14% признались, что случаи с правонарушениями имели место быть. Студенты-активная социальная группа, вовлеченная в многие сферы жизни общества. Можно предположить, что студенческая молодежь сталкивается с нарушением прав, но часто этого не замечает, так как плохо осведомлена о своих правах.

Знать сферы, в которых студентам пришлось столкнуться с нарушением прав важно, поскольку в дальнейшем это позволит выработать стратегию поведения в таких ситуациях. Анализ результатов опроса студентов, которые сталкивались с этим, показал, что большинство из них сталкивались с нарушением права на личную неприкосновенность – 22,7%, и права потребителей – 15,5 %. С нарушением трудового права, права на свободное передвижение, права на окружающую среду, права на обращение в государственные и муниципальные органы, столкнулись по 9,3%. Ситуация с нарушением права на медицинскую помощь наблюдалась у 8,2% опрошиваемых. 6,2% отметили, что столкнулись с нарушением права на тайну переписки и права на образование. 4,1% указали, что было нарушено право на социальные выплаты. Данные позволяют сказать, что правонарушения затрагивают различные аспекты жизни молодого поколения. Можно наблюдать, что самыми нарушаемыми являются базовые права.

Результаты анализа качественного исследования подтверждают вышесказанные заключения. Студентам было передано задание рассказать о случаях нарушения прав и способах решения их нарушения. Так, несколько информантов, на вопрос сталкивались ли они с нарушением прав, дали отрицательный ответ, но после уточняющих вопросов, выяснилось, что это не так. Информантка 3 вспомнила два случая нарушения своих прав, на личную неприкосновенность и потребительское право. В обоих случаях она никуда не обращалась, так как, во-первых, не воспринимала ситуацию как правонарушение, а во-вторых осознав, что действия второй стороны носят неправомерный характер, не знала, как можно доказать свою правоту и не хотела подробно разбираться в этом.

Информантка 10 назвала несколько случаев нарушения прав. Было нарушено право на оказание медицинской помощи. Со слов информанта это произошло из-за того, что *«один из врачей поликлиники был в отпуске, а другие государственные поликлиники, связанные с данной, не смогли предоставить врачебную помощь в связи с профессиональной безграмотностью их самих и наплевательским отношением их начальства»*. Защитить свои права на уровне поликлиники у студентки не получилось, главного врача не было на месте, а для обращения в другие инстанции отсутствовали ресурсы. Студентка также вспомнила нарушение закона о санитарно-эпидемиологическом благополучии. В соответствии с этим законом были утверждены требования к устройству общежитий, которые нарушала администрация. В общежитии было обнаружено большое количество насекомых, с которыми администрация отказывалась бороться. В этом случае проблему удалось решить успешно с помощью сбора подписей всех жильцов и обращения в администрацию ВУЗА. Информант 1 также отметил нарушение прав на санитарное устройство общежития. По ее словам, *«в комнатах много тараканов и клопов администрация общежития не разбирается и говорит нам самостоятельно решать проблему»*. На момент интервью девушка проблему не решила, она обращалась в социальный центр профсоюза и также собирала подписи для отправления жалобы.

Еще два информанта при решении своих проблем вынуждены были обращаться в полицию. Опыт обращения в полицию был для них негативным. Информант 4: *«... только по кабинетам 2 месяца пробежали, даже штраф не выписали»*. Информант 6: *«...при составлении заявления постоянно грубили и обвиняли жертву...закрывать надо было...»* Еще один информант 5 не имел опыт обращения в правоохранительные органы, однако выразил негативное мнение касательно деятельности полиции, сказав: *«нет смысла туда обращаться»*. Видимо это связано с прошлым опытом ее родственников или знакомых.

Уровень правовой культуры отражает не только знание своих прав, обязанностей и законов, но и осведомленность о том, куда нужно обращаться в случае их нарушения. Ответы на общий вопрос о том, знают ли студенты куда нужно обращаться в случае нарушения прав показал, что 52 % владеют такой информацией, а 48 % – неизвестно куда нужно обращаться. Незнание почти половиной студентов основных органов, защищающих их права, негативно сказывается на проявление правовой активности и общем уровне правовой грамотности студенчества. Те, кто осведомлены о том, куда нужно обращаться в случае нарушения прав назвали следующие структуры. Самым распространенным стал ответ «Полиция», этот вариант ответа выбрали 32,1 %. Назывались такие организации как: центр защиты прав потребителей, жилищная, трудовая инспекция – 17,6%. Некоторые указывали суд в качестве правозащитной организации – 17%. Прокуратуру выбрали 16,7%. Обращение к адвокату для защиты своих прав отметили – 10,9%. 6,1 % опрошенных выбрали ЕСПЧ. 17,5 % предпочли не отвечать на этот вопрос.

Правовые установки включают мнения студентов о деятельности служб по защите прав граждан и в целом ситуации с правонарушениями. Так, большинство респондентов считают, что в стране плохо работает система защиты прав граждан, права нарушаются и нужно полностью все реформировать. 29% отметили, что не все так плохо, система защиты прав граждан работает стабильно, но все же требуется реформирование и нужно внести изменения в работу некоторых структур. Лишь 1,5% отметили, что система защиты прав работает стабильно, и необходимости вносить какие-либо изменения в ее работу нет. То, что большинство осознает, несовершенства работы правозащитной системы, говорит о способности студентов осознавать и анализировать правовую информацию.

В ходе глубинного интервью почти все студенты отрицательно отзывались о государственных правозащитных структурах, упоминались и многочисленные случаи нарушения прав их личных знакомых со стороны полиции. В ответе на вопрос о том, куда бы они обратилась в случае повторного нарушения прав. Многие ответили, что, если ситуация позволит, для них будут предпочтительней общественные организации. В частности, информант 2 считает, что: «в подобных организациях гораздо выше шанс решить проблему, в связи с тем, что там гораздо больше людей, заинтересованных в ее решении». Информант 7 предпочитает такие организации по причине того, что «внимание государственной организации сложнее бывает привлечь и добиться быстрых действий». Иную точку зрения выразила информант 3, она считает важными и государственные и общественные организации, обосновывая это тем что, «все зависит от того, кто нарушил, как нарушил, что на-

рушил». Проанализировав ответы информантов, можно увидеть, что к государственным структурам низок уровень доверия, однако в некоторых ситуациях, для решения проблемы приходится обращаться в эти органы.

В проведенном интервью, все информанты признали, что в РК сложная ситуация с правонарушениями и существует тенденция к ее ухудшению. Вот как это охарактеризовал информант 2: «Я думаю, что плохо. Многие права нарушаются причем повсеместно.» 1: «...ситуация довольно сильно обострилась в связи с пандемией и общей политической ситуацией, однако и молодое поколение гораздо более активно в плане выяснения своих прав, так что есть надежды на улучшение.»

Участие в значимых событиях страны также является показателем уровня правовой активности, так как политика и право взаимосвязаны, от принятия того или иного закона на государственном уровне может зависеть возможность реализации защиты своих прав. Половина информантов слабо вовлечены в политико-правовую деятельность даже на базовом уровне. Многие принимали участие в выборах и голосовании о принятии поправок в Конституцию, однако некоторые отметили, что делали это без особого вовлечения и интереса. Например, информант 3 считает, что «особо роли не сыграет за кого проголосуешь или за что проголосуешь». Лишь у двух информантов прослеживалась заинтересованность. Так, информантка 1 принимала участие и в выборах, и в голосовании против поправок в конституцию. Информантка 2 была волонтером на одном из участков, но не принимала участие в голосовании на выборах поскольку не было возможности, однако в будущем она собирается голосовать. В голосовании по поправкам в Конституцию информант, по ее словам, «осознанно не принимала участие» поскольку считает, что «поддерживая один закон, утверждающий твои права, ты той же рукой ограничивал или вовсе лишал себя прав в других аспектах». Участие в жизни общества отражает гражданскую активность студентов и показывает интерес к собственным правам. Однако наблюдается пассивность студентов касательно участия в политико-правовой сфере, некоторые понимают ситуацию, но не видят необходимости участвовать.

Таким образом, анализ основных индикаторов правовой культуры студентов позволяет сделать следующий вывод. Правовые установки сформированы только на базовом уровне, есть общие фрагментарные представления и мнения о важности правовых знаний. Правовая осведомленность и правовая активность находятся на уровне ниже среднего. Правовые знания студентов не структурированы, прослеживается мозаичность, бессистемность правовых представлений, их ситуационный характер. Правовая и гражданская активность студентов низкая,

лишь немногие предпринимают какие-либо меры по отстаиванию своих прав, что связано с низким уровнем правовой осведомленности.

Невысокий уровень правовой культуры студенчества сопровождается следующими особенностями: наличием интереса к правовой проблематике и общим пониманием сложной ситуации с защитой прав граждан, которые граничат с недоверием и низкой культурой обращения в правозащитные структуры; скептическим настроением относительно изменений в политико-правовой области; низкой гражданской активностью, пассивностью и игнорировани-

ем ситуаций, связанных с нарушением прав; правовым нигилизмом. Эти особенности указывают в том числе и на то, что в стране нестабильно работает система защиты прав граждан, не до конца сформировано гражданское общество, все еще не выработана эффективная система повышения правовой культуры, распространения качественной правовой информации, не сформирован механизм применения правовых знаний на практике. Все это значительно затрудняет процесс формирования и повышения правовой культуры студенчества в будущем и замедляет процесс развития гражданского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамьенова Г.Р. Принципы формирования правовой культуры в рамках реализации воспитательной работы со студентами в современном вузе // Правовая культура. – 2020. – № 1 (40). – С. 95–106.
2. Кольжанов И.В., Харламов С.О. Правовая грамотность молодежи и ее воспитание на современном этапе // Материалы международной научно-практической конференции «Комсомол в судьбах разных поколений страны». Курск Издательство: Закрытое акционерное общество "Университетская книга". 2018
3. Грандонян К.А. Тенденции развития правовой культуры в условиях глобализации // Правовая культура. – 2018. – № 2(33). – С. 34–39.
4. Миронов А.Г. Практики правового воспитания в учебном процессе вуза // Правовое воспитание и просвещение молодежи в современном российском обществе. Материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. Красноярск, 2022. – С. 66–69.
5. Нор К.Е. Формирование правовой культуры студента на примере преподавания дисциплины «Теория государства и права» // Правовая этика и культура в современной правоприменительной практике. Материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. Красноярск, 2022. – С. 64–66.
6. Григорьева Е.И., Зайцева С.П. Особенности формирования правовой культуры студенческой молодежи // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 12. – С. 255–259.
7. Грунт Е.В. Правовая культура российского студенчества в социологическом измерении / Е.В. Грунт // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2012. – № 3 (106). – С. 16–23.
8. Дорофеева М. А., Дорофеев Р. А., Мирошниченко О. И. Формирование адекватной правовой культуры выпускников российских вузов в рамках современной модели свободного образования // Правовая культура. – 2019. – № 1(36). – С. 108–116.
9. Таскенов Б.М. Правовая культура студентов Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительная характеристика // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – №1(28). – 2019. – URL: Alley-science.ru (дата обращения 09.10.21).
10. Шамьенова Г.Р. Принципы формирования правовой культуры в рамках реализации воспитательной работы со студентами в современном вузе // Правовая культура. – 2020. – № 1 (40). – С. 95–106.
11. Русанова Н.М. Правовая культура в современной России: социологический анализ особенностей формирования: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2002. – 22 с.
12. Иванов С.И. Модернизация правосознания и правовой культуры общества в современной России (политико-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 237–238.
13. Загородский В.В. Деформация правовой культуры в современном Казахстане: понятие, последствия, пути преодоления / В. В. Загородский // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 2(51). – С. 125–127.
14. Трудоустройство молодых специалистов и докторов философии (PhD) // Финансовый центр. – 2021. – URL: <https://fincenter.kz/employment/> (дата обращения: 15.02.2022).
15. Черненко Л.В. Казахстане хотят изменить норму по обязательной отработке для сельской молодежи // Zakon.kz. 2022. 12 января. URL: https://www.zakon.kz/6004043-v-kazakhstane-khotiat-izmenit-normu-po-obiazatelnoi-otrabotke-dliasel-skoi-molodezhi.html?utm_source=Mail.KZ&utm_campaign=Mail.KZ (дата обращения: 26.02.2022).
16. Россияне провалили правовой диктант. Свои права не знают даже правозащитники и руководители. Официальный сайт Коммерсантъ [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3320264> (дата обращения 09.04.22)
17. Правовая грамотность россиян. – URL: <https://amulex.ru/news/pravovaya-gramotnost-rossiyan> (дата обращения 09.04.22).
18. Саткенов А.С. Аспекты правового воспитания среди молодежи РК. – URL: <https://infourok.ru/aspekti-pravovogo-vospitaniya-sredi-molodezhi-rk-1810768.html> (дата обращения: 14.08.2021).

Информация об авторе

Айменов Айдар Жамбулович, преподаватель кафедры экономики и права, Казахского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), Шымкент, Республика Казахстан.
E-mail: zhambul_ukgu@mail.ru ORCID 0000-0002-5852-4152

Aymenov A.Zh.

LEGAL CULTURE IN REPRESENTATIONS AND PRACTICES STUDENTS OF KAZAKHSTAN

Abstract. According to the results of two author's sociological studies by the method of questioning and in-depth interviews conducted among students of the Kazakhstan Peoples' Friendship University named after A. Khatbekov (KUDN), Shymkent, a low level of legal culture of Kazakhstani students was revealed. This is accompanied by the following features: interest in legal issues and a general understanding of the complex situation with the protection of the rights of citizens who border on mistrust and a low culture of recourse to human rights structures; scepticism about changes in the political and legal field; low civic engagement, passivity and ignoring situations related to the violation of rights; legal nihilism. These features indicate, among other things, that the system for protecting the rights of citizens is unstable in the country, civil society has not been fully formed, an effective system for improving legal culture and disseminating high-quality legal information has not yet been developed, and a mechanism for applying legal knowledge in practice has not been formed. All this significantly complicates the process of formation and improvement of the legal culture of students in the future and slows down the development of civil society.

Keywords: Kazakhstani students, legal culture, legal literacy, legal activity, legal nihilism

Literature

1. Shamyenova G.R. Principles of formation of legal culture in the framework of the implementation of educational work with students in a modern university // Legal culture. – 2020. – No. 1 (40). – P. 95–106.
2. Kolzhanov I.V., Kharlamov S.O. Legal literacy of youth and its upbringing at the present stage // Proceedings of the international scientific-practical conference "Komsomol in the fate of different generations of the country." Kursk Publisher: Closed joint-stock company "Universitetskaya kniga". – 2018.
3. Grandonyan K.A. Trends in the development of legal culture in the context of globalization // Legal culture. – 2018. – No. 2 (33). – P. 34–39.
4. Mironov A.G. Practices of legal education in the educational process of the university // Legal education and education of youth in the electoral Russian society. Materials of the regular (interuniversity) scientific-practical conference. – Krasnoyarsk, 2022. – S. 66–69.
5. Nor K.E. Formation of the economics of student culture on the rise of teaching the discipline "Theory of State and Law" // Legal ethics and culture in modern law enforcement practice. Materials of the regular (interuniversity) scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 2022. – S. 64–66.
6. Grigoryeva E. I., Zaitseva S. P. Features of the formation of the legal culture of student youth // Socio-economic phenomena and processes. – 2014. – V. 9. – No. 12. – P. 255–259.
7. Grunt E.V. Legal culture of Russian students in the sociological dimension / E. V. Grunt // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences. – 2012. – No. 3 (106). – S. 16–23.
8. Dorofeeva M.A., Dorofeev R.A., Miroshnichenko O.I. Formation of an adequate legal culture of graduates of Russian universities in the framework of the modern model of free education // Legal culture. – 2019. – No. 1 (36). – P. 108–116.
9. Taskenov B.M. Legal culture of students of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: comparative characteristics // Scientific and practical electronic journal "Avenue of Science". – No. 1 (28) 2019 – URL: Alley-science.ru (accessed 09.10.21).
10. Shamyenova G.R. Principles of the formation of legal culture in the framework of the implementation of educational work with students in a modern university // Legal culture. – 2020. – No. 1 (40). – P. 95–106.
11. Rusanova N.M. Legal culture in modern Russia: a sociological analysis of the features of formation: author. dis. ... cand. social Sciences. – M., 2002. – 22 s.
12. Ivanov S.I. Modernization of legal consciousness and legal culture of society in modern Russia (political and legal aspects): dis. ... cand. legal Sciences. – M., 2008. – S. 237–238.
13. Zagorodsky V. V. Deformation of legal culture in modern Kazakhstan: concept, consequences, ways of overcoming / V.V. Zagorodsky // Humanitarian and socio-economic sciences. – 2010. – No. 2 (51). – S. 125–127.
14. Employment of young specialists and doctors of philosophy (PhD) // Financial Center. – 2021. – URL: <https://fincenter.kz/employment/> (date of access: 15.02.2022).
15. Chernenko L. In Kazakhstan, they want to change the norm for compulsory work for rural youth // Zakon.kz. 2022. January 12. – URL: https://www.zakon.kz/6004043-v-kazakhstane-khotiat-izmenit-normu-po-obiazatelnoi-otrabotke-dliasel-skoimolodezhi.html?utm_source=Mail.KZ&utm_campaign=Mail.KZ (date of access: 26.02.2022).

16. The Russians failed the legal dictation. Even human rights activists and leaders do not know their rights. Official website of Kommersant [Electronic resource]: [website]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3320264> (accessed 04/09/22).
17. Legal literacy of Russians – URL: <https://amulex.ru/news/pravovaya-gramotnost-rossiyan> (accessed 04/09/22).
18. Satkenov A.S. Aspects of legal education among the youth of the Republic of Kazakhstan – URL: <https://infourok.ru/aspekti-pravovogo-vospitaniya-sredi-molodezhi-rk-1810768.html> (date of access: 14.08.2021).

Author

Aimenov Aidar Zhambulovich, lecturer at the Department of Economics and Law, Kazakhstan Peoples' Friendship University named after A. Kuatbekov (KUDN), Shymkent, Republic of Kazakhstan.

E-mail: zhambul_ukgu@mail.ru ORCID 0000-0002-5852-4152

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.14-18

Аннотация. Социальные страхи как элемент общественного сознания детерминированы общественными отношениями, перманентное изменение которых обуславливает трансформацию социальных страхов, что актуализирует их теоретическое изучение и совершенствование инструментария эмпирического исследования. В статье автором осуществлен теоретический анализ основных подходов к понятию социальных страхов в отечественных и зарубежных научных публикациях. Выявлено многообразие определений изучаемого социального явления в социально-гуманитарном знании и доказано отсутствие его единой трактовки. Обосновано, что понятие социального страха коррелирует в исследованиях с понятием социального самочувствия, в связи с чем, автором анализируются основные теоретические позиции, касающиеся последнего. Показано, что социальный страх рассматривается учеными как одна из детерминант социального самочувствия и его показатель. Автором выявлены три основных направления анализа исследуемого феномена в науке: в контексте катастрофического сознания, в рискологическом аспекте и в связи с теорией социальных травм. В конце статьи предлагается авторская интерпретация социального страха.

Ключевые слова: социальные страхи, социальное самочувствие, характеристики социальных страхов.

Анализ научных источников, касающихся проблемы социальных страхов, показывает, что изучаемое социальное явление имеет различные интерпретации, отраженные в публикациях ученых. При этом, сохраняют свою актуальность слова Л. Гудкова из его публикации 1999 года: «Несмотря на то, что накоплен довольно значительный материал массовых опросов, с ним трудно работать из-за несопоставимости полученных данных, различных методик и организации исследований. Нет и хорошей теоретической рамки для интерпретации страха или страхов» [1, с. 47].

Действительно, определения социальных страхов и их соотнесение с коррелирующими понятиями достаточно многочисленны и разноплановы. Однако, при этом, можно проследить некоторые общие для всех подходов тенденции. Первая из них – социальные страхи представлены в ряде работ в контексте проблем социального самочувствия: как его элемент, детерминанта или его показатель [2, 3].

Обращение к данному аспекту темы подтверждает необходимость проанализировать понятие социального самочувствия и определиться с тем, какой именно аспект его изучения наиболее четко позволяет проследить связь с социальным страхом.

Я.Н. Крупец обращается к теме социального самочувствия как интегрального показателя, характеризующего степень адаптированности граждан к общественным изменениям, как к определенному результату, индикатору, показывающему успешность адаптационного процесса. Исследуемое явление включает три элемента, причем:

1) первый – характеристика внутреннего состояния индивида (его здоровья, настроения, испытываемых чувств – счастье, оптимизм);

2) второй представляет оценки внешних факторов (восприятия ситуации в обществе и темпоральных характеристик того социума, в котором индивид живет);

3) третий состоит из восприятия своего статуса во вновь сложившихся условиях [4]

Представляется, что социальные страхи на основе такой классификации также можно структурировать по трем основаниям: страхи, основанные на состоянии индивида, на оценке социальными субъектами внешних условий и на оценке их собственного положения, занимаемого в обществе.

В публикации А.Г. Барейша приводятся некоторые из определений социального самочувствия:

- оно может быть рассмотрено в качестве характеристики, показывающей степень удовлетворенности условиями социального бытия,
- может выступать показателем оценки социальных изменений, касающихся условий жизнедеятельности граждан,
- быть индикатором статусной идентичности личности, социальных субъектов;
- может быть представлено в качестве ценностно-когнитивного состояния, характеризующего адаптационные процессы в новых условиях;
- рассматриваться в качестве одной из оценок состояния комфорта-дискомфорта [2, с. 83].

Согласно взглядам Р.В. Карамельского, уклад и качество жизни, а также степень ее комфортности детерминируют социальное самочувствие граждан. Отметим некоторые значимые моменты автора публикации в трактовке социального самочувствия, важные, с нашей точки зрения, для понимания сущности социальных страхов:

1) под социальным самочувствием людей понимается обобщенная эмоционально-оценочная реакция социальных субъектов на социальную динамику и на положение в периоды социальных трансформаций;

2) интерпретация социального самочувствия как мощного мотивационного фактора поведения индивида посредством воздействия на выбор его жизненных стратегий и тактик их реализации;

3) представление о социальном самочувствии как определенной основе, исходном структурном элементе, формирующем социальное настроение социального субъекта [5, с. 179].

Подводя итог данной части исследования, можно сделать вывод о существовании двух подходов к соотношению социального самочувствия и социального страха.

Первый подход – понимание социального страха как детерминанты социального самочувствия, наряду с такими факторами, как тревога, беспокойство, опасение и другими, формирующими социальное настроение, которое, в свою очередь, обуславливают тот или иной уровень социального самочувствия.

Второй подход – трактовка социального страха как показателя социального самочувствия. Так, ВЦИОМ, исследуя индексы социального самочувствия, в отдельный пункт выделяет индекс «страха» [6].

Далее необходимо отметить, что, несмотря на недостаточную разработанность темы социальных страхов в научных исследованиях, тем не менее, в массиве научных публикаций четко определяются три направления.

1. Изучение социальных страхов в контексте теории катастрофического сознания [7,8].

2. Исследование социальных страхов в контексте рискологии [9, 10, 11, 12].

3. Анализ социальных страхов в связи с социальными травмами [13, 14].

Каждая из этих парадигм понимания страха достаточно полно отражена в концепциях ученых, что позволяет автору статьи не останавливаться на них подробно.

Изучая эволюцию теории социальных страхов в отечественной и зарубежной социологии, необходимо отметить, что в большинстве работ, посвященных данному явлению, мы встречаем ссылки на его понимание В.Э. Шляпентохом. О.Л. Лейбович в статье «"Страх есть сдерживающее начало...": образ времени Владимира Шляпентоха» дает развернутый анализ работ Шляпентоха, посвященных социальным страхам. Страх представлен в качестве постоянной компоненты социального бытия, необходимого условия для того, чтобы общество нормально функционировало. Эволюционируя, страх проявляется в различных модификациях. Страхи физического насилия уступают место иным видам страхов. Они не могут быть интерпретированы в категориях добра или зла. Страхи амбивалентны – пишет Шляпентох. Мы можем смотреть на страхи, как на очень мощное лекарство, которое имеет весьма опасные «побочные эффекты». Социальный смысл страхов состоит в том, что они выполняют упорядочивающую организационную функцию, иначе говоря, участвуют в социализации новых поколений и других общественных групп. [8, с. 161].

В работе «Катастрофическое сознание...» нами отмечен момент, важный для понимания роли социальных страхов в жизни граждан: состояние страха является своего рода сдерживающим началом, формирующимся при воздействии ряда детерминант; страхи способны преобразовываться в ряд других социальных чувств, например, в чувства сдержанности, осторожности и предусмотрительности [7, с. 33,307].

Многие работы ученых, касающиеся в той или иной степени социальных страхов, предлагают их различные характеристики. Например, согласно мнению Л. Гудкова, страхи подразделяются на ряд типов. К первому типу относятся страхи, связанные с конкретными причинами, событиями или ситуациями. Ко второму – страхи диффузные, которые характеризуются неопределенной тревожностью, паническими состояниями, не связанными с какими-либо факторами. К третьему типу страхов – экзистенциальные, например, страх смерти [15].

Представленные в таблице 1 позиции в понимании социальных страхов разнообразны – в одних дается трактовка данного социального явления, в других – его характеристика.

Социальные страхи

Автор	Понимание социального страха
Д.Н. Баринов	Социальный страх является производным от системы общественных отношений; он выражает и отражает положение индивидов и групп в системе общественных отношений, отношение людей друг к другу, к своему положению в обществе, к явлениям и процессам, происходящим в обществе, к условиям и способам жизнедеятельности [16].
М.В. Чуркина	Все типы страхов можно трактовать как социальные, что обусловлено их связью с социальной реальностью и с социальными ситуациями, [17].
М.И. Витковская	Коллективные страхи социализированы. Страхи как социальные феномены зависят, с одной стороны, от социальной системы, с другой стороны, оказывают на нее влияние [18].
А. Кемпински	Социальный страх развивается при нарушении взаимодействия с социумом, существовании социальной угрозы [19].
Д. Вольпе	Социальный страх – страх социальных объектов или ситуаций социального взаимодействия. Социальные страхи возникают в ходе социализации, воспитания и обучения. Они могут возникнуть в любом возрасте и, возникнув, прочно ассоциируются с определенными социальными ситуациями. Поведение человека автоматизируется и воспроизводится затем в похожих социальных ситуациях, создает почву для неудач, а неудачи еще больше подкрепляют страх [20].
М.О. Савина	Социальный страх – это непосредственно переживаемая человеком негативная форма его отношения к обществу, к тем социальным возможностям, от осознания которых зависит способность человека проектировать свою жизнедеятельность [21].
В.Г. Немировский, А.В. Немировская, Т.А. Булатова	Мощным деформирующим фактором жизненного мира выступает незащищенность его субъекта от каких-либо опасностей или рисков. Иными словами, чувство страха [22].

Сравнение характеристик социальных страхов, предлагаемых различными учеными (см. таблицу1), показало, что при всем разнообразии определений и подходов можно выделить общие тенденции анализа исследуемого явления.

Во-первых, отнесение всех страхов к социальным, так как они детерминированы и социальной статикой (социальные институты, обеспечивающие социальный порядок), и социальной динамикой (общественными процессами). При этом, социальность страхов является их атрибутом для всех социальных субъектов – от личности как совокупности общественных отношений до общества в целом. Даже страхи перед природными катаклизмами социальны. Если это страх перед экологической катастрофой или перед природными факторами (цунами, извержение вулкана и проч.), то уровень страха будет определяться степенью защищенности населения от них.

Во-вторых, акцент на коммуникативных причинах социальных страхов, которые рождаются при самом взаимодействии, при его ожидании, при нарушении. Социальный страх может сопровождать процесс личностного взаимодействия, группового, может сопровождать ожидания социальных общностей или реальные ситуации их жизни.

В-третьих, выделение такой характеристики социальных страхов, как наличие в его генезисе негативного отношения к социальным явлениям, локальным или глобальным.

В-четвертых, отмечаются функции социальных страхов: упорядочивающая; организующая, социализирующая

Итак, для исследования предметного поля изучаемой темы требуется рассмотреть имеющиеся теоретические подходы к исследованию социальных страхов в общественных и гуманитарных науках, без обращения к которым невозможно определить специфику социологического изучения социальных страхов. Тема социальных страхов как явления, присущего любому обществу, входит в процессе его исследования в проблемные поля многих наук, при этом, каждая наука придает предметную определенность изучаемому феномену и парадигмальную обусловленность методам. Социологическое изучение социальных страхов может опираться на следующее, предлагаемое нами, понимание данного феномена: социальный страх, являясь элементом общественного сознания, содержательно представляет собой субъективную оценку социальным субъектом актуальных условий своей жизнедеятельности и перспектив своего дальнейшего существования в системе тех или иных общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков А. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – №6. – С. 46–51.
2. Барейша А.Г. Социальные страхи в структуре социального самочувствия // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. № 1-4 (20). – С. 83–85.
3. Корнилова М.В. Социальное самочувствие: понятие и основные показатели // Евразийское научное объединение. – Т. 2. – №3. – С. 135–138.
4. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. – 2003. – №4. – С. 143–145.
5. Карамельский Р.В. Проблемы измерения социального самочувствия // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 178–182.
6. ВЦИОМ. Новости: Рейтинги Июль 2022. Индексы социального самочувствия – Режим доступа: URL: // <https://wciom.ru>
7. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. – М., 1999.
8. Лейбович О.Л. «Страх есть сдерживающее начало...»: образ времени Владимира Шляпентоха // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 2 (16). – С. 158–165.
9. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 57–67.
11. Осипова Е.С. Тематизация страха в концепции У. Бека // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №374. – С. 55–58.
12. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003. – Т. XII. – № 1. – С. 3–35.
13. Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 13–23.
14. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. – 352 с.
15. Беседа о страхе // Дискуссия из цикла «Беседы о страхе, ценности и любви». – Режим доступа: URL: // <https://theoryandpractice.ru/posts/17180-boyalis-tak-zhe-i-togo-zhe-kak-izmenilis-strakhi-s-antichnykh-vremen-i-pochemu-trevozhnost-tak-trudno-kontrolirovat?ysclid=17k5p2qspv547152071> (дата обращения: 02.09.2022). – Текст : электронный.
16. Баринев Д.Н. Страх как феномен человеческого бытия / Д.Н. Баринев // Философская мысль. – 2018. – № 5. – С. 77–82.
17. Чуркина М.В. Социальные страхи современного российского общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 6. – С. 268–274.
18. Витковская М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 22 с.
19. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия / Перевод: А. Боричев. – М., 1998.
20. Wolpe, J. Experimental neuroses as learned behavior / J. Wolpe // British journal of psychology. – 1952. – No 43. – R. 243–268.
21. Савина М.О. Страх как социальное явление: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Волгоград, 2004. – 153 с.
22. Немировский В.Г., Немировская А.В., Булатова Т.А. Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян // Вестник Института социологии. – 2018. – № 24. – С. 95–114.

Информация об авторе

Бросов Александр Сергеевич, соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет, Институт экономики и управления, кафедра социологии.

E-mail: sergbrossov@yandex.ru

Brosov A.S.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF SOCIAL FEAR IN SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCES

Abstract. Social fears as an element of social consciousness are determined by social relations, the permanent change of which causes the transformation of social fears, which actualizes their theoretical study and improvement of empirical research tools. In the article, the author carried out a theoretical analysis of the main approaches to the concept of social fears in domestic and foreign scientific publications. The variety of definitions of the studied social phenomenon in social and humanitarian knowledge is revealed and the absence of its unified interpretation is proved. It is substantiated that the concept of social fear correlates in studies with the concept of social well-being, in connection with which the author analyzes the main theoretical positions regarding the latter. It is shown that social fear is considered by scientists as one of the determinants of social well-being and its indicator. The author identified three main areas of analysis of the studied phenomenon in science: in the

context of catastrophic consciousness, in the riskological aspect and in connection with the theory of social trauma. At the end of the article, the author's interpretation of social fear is offered.

Keywords: social fears, social well-being, characteristics of social fears.

Literature

1. Gudkov L. Fear as a framework for understanding what is happening // Monitoring public opinion. – 1999. – No. 6. – Pp. 46–51.
2. Bareisha A.G. Social fears in the structure of social well-being // International research journal. – 2014. – No. 1-4 (20). – S. 83–85.
3. Kornilova M.V. Social well-being: concept and main indicators // Eurasian scientific association. – V. 2. – Number 3. – S. 135–138.
4. Krupets Ya. N. Social well-being as an integral indicator of adaptability // Sociological research. – 2003. – No. 4. – S. 143–145.
5. Karamelsky R.V. Problems of measuring social well-being // Bulletin of the Chuvash University. – 2011. – No. 4. – P. 178–182.
6. VCIOM. News: Ratings July 2022. Indices of social well-being – Access mode: URL: // <https://wciom.ru>
7. Catastrophic consciousness in the modern world at the end of the twentieth century (according to international studies) / ed. V.E. Shlapentokha, V. N. Shubkin, V. A. Yadov. – M., 1999.
8. Leibovich O. L. "Fear is a restraining beginning...": the image of Vladimir Shlapentokh's time // Bulletin of the Perm University. – 2011. – Issue. 2 (16). – S. 158–165.
9. Beck W. Risk society: On the way to another modernity / Per. with him. V. Sedelnik, N. Fedorova. – M.: Progress-Tradition, 2000. – 383 p.
10. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Threats in the transforming environment as a factor of social risks: forecasting and regulation // Sociological research. – 2017. – No. 5. – P. 57–67.
11. Osipova E.S. Thematization of fear in the concept of U. Beck // Bulletin of the Tomsk State University. – 2013. – No. 374. – P. 55–58.
12. Yanitsky O.N. Sociology of risk: key ideas // World of Russia. – 2003. – T. XII. – No. 1. – S. 3–35.
13. Volkov Yu.G. Socio-cultural traumas of modern Russian society // Sociological research. – 2022. – No. 3. – P. 13–23.
14. Toshchenko Zh.T. Society of trauma: between evolution and revolution (the experience of theoretical and empirical analysis). – M.: Publishing House "Ves Mir", 2020. – 352 p.
15. Conversation about fear // Discussion from the cycle "Conversations about fear, values and dislike". – Access mode: URL: // <https://theoryandpractice.ru/posts/17180-boyalis-tak-zhe-i-togo-zhe-kak-izmenilis-strakhi-s-antichnykh-vremen-i-pochemu-trevozhnost-tak-trudno-kontrolirovat?ysclid=l7k5p2qspv547152071> (date of access: 09/02/2022). – Text : electronic.
16. Barinov D.N. Fear as a phenomenon of human existence / D.N. Barinov // Philosophical thought. – 2018. – No. 5. – P. 77–82.
17. Churkina M.V. Social fears of modern Russian society // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. – 2012. – No. 6. – S. 268–274.
18. Vitkovskaya M.I. Social fears as a subject of sociological research: Abstract of the thesis. dis. ... cand. sociological Sciences. – M., 2006. – 22 p.
19. Kempinski A. Existential psychiatry / Translation: A. Borichev. – M., 1998.
20. Wolpe, J. Experimental neuroses as learned behavior / J. Wolpe // British journal of psychology. – 1952. – No. 43. – R. 243–268.
21. Savina M.O. Fear as a social phenomenon: dis. ... cand. philosophy Sciences: 09.00.11. Volgograd, 2004. – 153 p.
22. Nemirovsky V.G., Nemirovskaya A.V., Bulatova T.A. Fear as a factor in socio-cultural deformations of the life world of Russians // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2018. – No. 24. – P. 95–114.

Author

Brosov Alexander Sergeevich, Competitor, North Caucasian Federal University, Institute of Economics and Management, Department of Sociology. E-mail: sergbrossov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.19-22

Аннотация. В исследовательской работе рассматриваются особенности молодежной политики в формировании гражданской культуры у современного поколения. Был проведен опрос среди студентов КФУ, в ходе которого мы узнали об основных причинах участия молодежи в гражданско-патриотических мероприятиях. Результаты исследования показывают, что большое влияние на современную молодежь оказывает Интернет.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, гражданское общество, гражданская культура, патриотическое воспитание.

На сегодняшний день в современном мире происходит становление и укрепление гражданского общества. Для эффективного функционирования и развития гражданского единства необходимо некоторые условия. В том числе образование играет важную роль в информационном обществе, ВУЗы являются системообразующими элементами развития региона, выполняя запросы местных органов власти [1]. Другим условием успешного функционирования гражданского общества является общественные организации граждан, которые независимы и самоуправяемы [2]. В условиях трансформации современного мира необходимым элементом развития гражданского общества является формирование у молодого поколения гражданской культуры, что в последствие будет основой молодежной политики.

Молодежная политика, по своей сути, самостоятельное направление государственной политики, ориентированное на создание социальных условий развития государства, реализуемых на базе активного взаимодействия с общественными объединениями, институтами [3]. Специфика молодежных объединений оказывает значительное влияние на политическую и гражданскую социализацию индивидов. Формирование гражданственности у молодого поколения также выполняет функции в процессе создания

правового государства. Гражданское воспитание проявляется в усвоении молодежью общечеловеческих гуманистических принципов и нравственных ценностей.

Одним из элементов молодежной политики является активное содействие и заинтересованность молодых людей в формировании и развитии данных объединений. Молодежные организации способны обеспечить решение проблем индивидов, помощь в трудоустройстве, жилищные вопросы, самореализация и развитие личности в целом. На сегодняшний день, молодежная политика взаимодействует во многих сферах общества, таких как экономическая, социальная, кадровая, научная и другие. В рамках молодежного движения государству следует придерживаться принципа поддержки, понимания и самостоятельности молодежи.

Актуальность данного исследования раскрывается в том, что молодежь – является предметом особого внимания государства, именно от политических взглядов и отношений к власти молодого поколения зависит развитие демократического пути России.

Особенности формирования молодежной политики становятся актуальной темой для социологов, политологов и историков. По данной теме свои научные работы писали В.П. Бабинцев «Государственная молодежная поли-

тика», В.А. Царихин «История развития государственной молодежной политики». Значимый вклад в теорию развития молодежной политики внес отечественный деятель И.М. Ильинский, именно он впервые употребил термин «молодежная политика» в своей работе «Развитие социализма и молодежь».

Также изучением гражданской активности населения занимаются крупнейшие исследовательские центры России, такие как Левада-центр, Фонд «Общественное мнение», Всероссийский центр изучения общественного мнения. В статье представлены их опросные данные за последние несколько лет. Фонд «Общественное мнение» ежегодно проводит опрос «Критерии патриотизма», в результате которых мы получаем следующие данные. На вопрос «Какую часть россиян можно назвать патриотами?» 38% опрошенных выбрали «большинство россиян», однако в 2018 году доля опрошенных была выше 41%. Также респонденты ответили, что за последние годы патриотов нашей стране стало меньше (30%) [4]. В отношении гражданской активности, по результатам исследования «Левада – центр» лишь (2%) опрошенных в свое свободное время занимаются добровольчеством, волонтерством. Наиболее распространенным видом волонтерской деятельности явились финансовая пожертвование (31%), участие в уборке окружающей среды (22%), помощь бездомным, беженцам (17%) [5].

Существует ряд проблем среди современного поколения, таких как безработица, наркомания, отсутствие оказания медицинской помощи, поддержка в самореализации. Следовательно, государству необходимо создавать все условия для развития молодежи: формирования национальной и правовой культуры, правильное миропонимания, возможности решение собственных задач, участие в социальной деятельности, с целью усиления их правовой позиции в обществе. Основным элементом современной молодежной политики является создание таких условий, которые помогают личности самоутвердиться в обществе, найти собственный путь развития. В связи с этим наше внимание как исследователей остановилось на изучение особенностей формирования молодежной политики. непосредственно объектом исследования явились студенты Казанского Федерального Университета. Авторами был проведен анкетный опрос, выборка составила 1210 студентов Казанского Федерального Университета.

В разрешении ряда некоторых проблем общества таких, как экономических, социальных и политических проблем возникла необходимость в урегулировании их общих связей и закономерностей. На вопрос «какие сферы наиболее развиты в нашей стране?» большинство респондентов ответили вооруженные силы (50%), равные доли опрошенных (38%) выбрали культура и правоохранительные

органы. Следовательно, опрошенные студенты КФУ также выбрали сферы деятельности, которые необходимо развивать такие, как здравоохранение (70%), защита окружающей среды (55%), равные доли опрошенных (53%) отметили образование и развитие новых технологий. Изменения в данных институтах страны требуют развитие задач и механизмов в государственной молодежной политике. Почти половина опрошенных студентов (45%) считают, что молодежная политика в России эффективна, молодежные организации активны, однако другие студенты (33%) полагают, что молодежные объединения безынициативны и пассивны.

Наше общество трансформируется под воздействием цифровизации, следовательно основным источником получения информации о данной политике является Интернет (65%), на втором месте педагоги, учителя школ и ВУЗов (22%). Именно Интернет ресурсы способно повлиять на многие структуры общества и сформировать определенный уровень информированности у людей по тем или иным вопросам. Социальные сети – эта именно та сфера, где современное поколение может выражать свои собственное мнение к политике государства, отношение к власти. Распространение информации через социальные сети становится еще одним элементом формирования гражданской ответственности у студентов. Также образовательно-воспитательная система относится к методам развития гражданской культуры, которая способствует развитию думающей молодежи. Каждые из этих институтов выполняют свою роль в социализации личности молодого поколения [6].

Участие опрошенных студентов в волонтерских движениях значительно высокое (70%). Однако среди молодежи отсутствует вовлеченность и заинтересованность в участии молодежных организациях и объединениях. Таким образом, студенческая гражданская активность реализуется преимущественно в тех областях, которые вызывают интерес у молодежи. К примеру, помощь животным, экологические вопросы, волонтеры Победы.

По мнению опрошенных, участие в реализации гражданских мероприятий способствует молодежи свободно выражать свое мнение (58%), свободу действия (55%). Данный вывод подтверждается тем, что основной целью молодежной политики является создание социальной защиты, условий для самореализации и саморазвития. Опрошенные студенты КФУ нуждаются в помощи при трудоустройстве (69%), в поддержке при создании бизнеса (64%) и в содействие талантливой молодежи (59%).

Что касается мотивов участия в гражданской деятельности, студенты выбрали возможность принести пользу обществу (49%), приобретение нового опыта (39%). Десятая часть опрошенных (15%) выбрали знакомство с интересными людьми и реализация собственных идей. Следовательно, гражданская культура предполагает наличие система-

тизированных знаний, в которых заложена основа участия личности в значимых задачах общества. В дальнейшем данные умения будут основой для формирования гражданских навыков. Именно этот опыт способствует развитию и самореализации индивидов в обществе.

Большинство опрошенных студентов чувствуют единство со своим поколением (85%), однако остальным (15%) требуется поддержка со стороны молодежных организаций и объединений. Следовательно, молодежным организациям следует уделять большее внимание современному поколению, содействовать им в реализации и саморазвитии.

Таким образом, результаты опроса позволили получить различную информацию о студенческих настроениях, установить осведомленность студентов КФУ о деятельности молодежных организаций и определить особенности формирования молодежной политики. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что студентам интересно наблюдать и принимать участие в общественно-политических, социальных активностях. Ключевым элементом является то, что молодежь готова не только участвовать в данных организациях, но и создавать их.

С одной стороны, реализация молодежной политики разнообразна, она функционирует в патриотическо-образовательных, экономических, социальных сферах. Однако с другой стороны связь и взаимодействие молодежных организаций и государственных структур отсутствует. По данным результата опроса, мы можем увидеть, что нет непосредственного участия студентов в организации и развитие молодежной политике. Несмотря на наличие регламентированных нормативно-правовых документов существует ряд недостатков. Следовательно, анализ опроса позволяет сделать вывод о том, что механизм регулирования молодежной политики должен развиваться путем изменения системы управления. Полученные данные могут содействовать в улучшении реализации молодежной политики: поддержка в реализации идей, защита прав молодых людей, обеспечение гарантий в трудовой деятельности, оказание социальных услуг, содействие талантливой молодежи, помощь в молодежном обмене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айзенкоп Б.М. Молодежная политика в Российской Федерации: Поиск оптимальных решений. – М., 2003. – 215 с.
2. Ильинский И.М. Развитие социализма и молодежь // Коммунист. – 1987. – № 6. – С. 25.
3. Научный словарь-справочник от Автор 24 по техническим и гуманитарным дисциплинам. – URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/molodezhnaya_politika/ (Дата обращения: 20.04.2022).
4. Фонд «Общественное Мнение». Критерии патриотизма. Надо ли быть патриотом? И что для этого нужно? – стат. погрешность. 3,8%. – 31 июля – 2 августа 2020. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (Дата обращения: 20.04.2022).
5. Фонд «Общественное Мнение». Социальная и политическая активность молодежи. Какие виды активности распространены среди молодых? – 13 апреля 2017. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (Дата обращения: 20.04.2022).
6. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Гражданский цифровой активизм и социальная эксклюзия в условиях вынужденного погружения в цифровую среду // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – С. 124–128.

Информация об авторах

Васильева Диана Вадимовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: divvasileva@stud.kpfu.ru

Гусев Святослав Николаевич, д.э.н., Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан/начальник отдела качественных исследований; Казанский (Приволжский) федеральный университет, Высшая школа Открытый институт инновационного, технологического и социального развития /кафедра менеджмента в социальной сфере.

E-mail: svatoslav.gusev@tatar.ru

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии

E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Шамсутдинова Ильдия Ильдусовна, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: 89173914070@mail.ru

**FEATURES OF THE FORMATION OF YOUTH POLICY IN THE FIELD OF PATRIOTIC EDUCATION
ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF KAZAN FEDERAL UNIVERSITY**

Abstract. The research work examines the features of youth policy in the formation of civic culture among the modern generation. A survey was conducted among KFU students, during which we learned about the main reasons for youth participation in civil-patriotic events. The results of the study show that the Internet has a great influence on today's youth.

Keywords: youth, youth policy, civil society, civil culture, patriotic education.

Literature

1. Aizenkop B.M. Youth policy in the Russian Federation: Search for optimal solutions. – M., 2003. – 215 c.
2. Ilyinsky I.M. Development of socialism and youth // Kommunist. – 1987. – No. 6. – P. 25.
- 3) Scientific dictionary – a reference book from Author 24 on technical and humanitarian disciplines. – URL: https://spravochnik.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/molodezhnaya_politika/ (Date of access: 04/20/2022).
4. Fund "Public Opinion". criteria for patriotism. Is it necessary to be a patriot? And what you need to do? – stat. error. 3.8%. – 31 July – 2 August 2020
5. Fund "Public Opinion". Social and political activity of youth. What activities are common among young people? – 13 April 2017. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/13286> (Date of access: 20.04.2022).
6. Eflova M.Yu., Maksimova O.A., Ozerova K.A. Civic digital activism and social exclusion in conditions of forced immersion in the digital environment // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2021. – S. 124–128.

Authors

Vasilyeva Diana Vadimovna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: divvasileva@stud.kpfu.ru

Gusev Svyatoslav Nikolaevich, Doctor of Economics, Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan / Head of the Qualitative Research Department; Kazan (Volga Region) Federal University, Higher School Open Institute for Innovative, Technological and Social Development /Department of Management in the Social Sphere.

E-mail: svatoslav.gusev@tatar.ru

Eflova Maria Yurievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Shamsutdinova Ilsiya Ildusovna, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: 89173914070@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.23-26

Аннотация. В статье рассматривается трансформация гендерного неравенства под воздействием информатизации, которая проявляется распространением дистанционных технологий и альтернативных форм трудоустройства. На основе анализа статистических данных регистрации самозанятых и уровня доходов в российском обществе выявлены гендерные различия. Приведены результаты качественного исследования интервью самозанятых, показаны различия в стратегии карьерных ориентаций и социального продвижения мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендер, неравенство, интернетизация, цифровизация, занятость.

Информатизация как широкий социотехнический процесс распространения цифровых технологий воздействует на многие сферы. Дистанционные технологии, расцвет информационного бизнеса, социальных сетей, а также пандемия COVID-19 создали благоприятную основу развития альтернативных форм трудоустройства. Фриланс, удаленная работа - новые варианты трудоустройства, оказавшие большое воздействие на мобильность в обществе. Неравенство - важная часть социальной мобильности. В современной социологической теории категория «социальное неравенство» применяется, прежде всего, для отражения сложной социальной структуры общества и обозначает «специфическую форму социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей» [1, 2]. Одним из оснований проявления неравенства является гендерный аспект. На протяжении истории его значимость претерпела очень большие изменения. Целью данной статьи является проанализировать, какое влияние на гендерное неравенство оказала цифровизация.

Ученые отмечают, что одной из существующих особенностей распределения труда и занятости на уровне мирового рынка труда продолжает оставаться гендерная асимметрия [3]. Один из ведущих теоретиков теории информационного общества М. Кастельс при этом подчеркивает, что новые технологии и гибкие формы занято-

сти повышают шансы женщины на профессиональную самореализацию, позволяя совмещать свои обязанности, связанные с исполнением материнской роли с профессиональными. При этом современные ученые далеки от идеализации, подчеркивая что сохранение крайне высокой нагрузки на женщин в вопросах организации семейного быта вынуждает их активнее прибегать к использованию цифровых дистанционных способов для оптимизации решения бытовых проблем [4].

Рост роли личности как субъекта развития общества привело к пониманию того, ограничены возможности половины человечества, и поэтому в вопросах самореализации, достижении более высокого социального статуса важным барьером является гендерное неравенство.

Другой стороной неравенства в информационном обществе является фактор доступности интернета, различия в навыках использования технологий [5 с. 47–48]. Эмпирические исследования выявляют разницу в специфике использования интернет-технологий мужчинами и женщинами в повседневной жизни, работе, выполнении гражданских или иных видов активностей. Явные различия в гендерном и образовательном срезам говорят о наличии цифрового неравенства. Например, респонденты-женщины чаще мужчин пользуются порталами государственных, образовательных, лечебных услуг, в то время как мужчины-респонденты активнее женщин проявляют себя в интернет-дискуссиях по общественным и политическим вопросам. Заметна разница и в развлекательной сфере: по мере повышения уровня образования респонденты-мужчины все

реже используют сетевые возможности для проведения досуга. В то время как женщины, наоборот, – чем выше уровень образования, тем чаще отмечалось использование «цифры» для досуга, отдыха, развлечений [8].

Таким образом, в рамках реализации поставленной цели статьи обратимся к данным статистики. Гибкая удаленная форма занятости сейчас подразумевает в большинстве своем трудоустройство с помощью регистрации самозанятости. С одной стороны, это значительно облегчает жизнь работодателей при приеме на работу на удаленную форму занятости, с другой – позволяет данной категории профессионалов работать в рамках трудового законодательства, платить налоги со своего дохода.

По данным статистики: «Если говорить о мужчинах и женщинах, то у нас 39% женщин-самозанятых и 61% мужчин. Доход, полученный женщинами, – 33%, а у мужчин – 67%», при этом основная работа у женщин – это маникюр, педикюр, няня, стилист, кондитер, грумер, бухгалтер, модельер, дизайнер, репетитор, у мужчин: ремонт автомобилей, сантехник, ремонт бытовой техники, эвакуация, буксировка, техобслуживание, грузчик, электрик» [9].

Обратимся к статистическим данным по уровню доходов: средний заработок женщин в России, занятых на крупных и средних предприятиях, в 2021 году составил 42,8 тыс. рублей на руки с учетом всех премиальных. При этом мужчины получали 62,1 тыс. рублей. Таким образом, размер зарплаты женщин составил 68,9% от мужской, или на 31,1% меньше [10].

С начала 2000-х годов гендерное неравенство в зарплатах сокращалось, и к 2013-му показатель достиг своего минимума в 26,1%, следует из отчета компании. Затем он постепенно увеличивался.

Также в рамках авторского исследования было проведено глубинное интервью с самозанятыми, в котором приняло участие 34 женщины и 18 мужчин (сентябрь 2022), которые работали на удаленной форме в различных компаниях. Так, опрос выявил, что среди мужчин выделяются две группы по степени активности и успешности в профессии: первая категория, которых можно условно назвать успешными карьеристами: их объединяет высокий доход, занятие важных позиций в компании и быстрый рост, которые достигаются за счет целеустремленности, отличного выполнения работы. Такие сотрудники, как правило, много времени тратят на работу, мало отвлекаются на другие дела. Их ценят руководители, они быстро продвигаются по карьерной лестнице. Планом и логичным итогом роста они представляют создание своего бизнеса. Например, информант Александр, 33 года начинал с менеджера по продажам, быстро занял позицию руководителя отдела продаж. После этого перестал работать в какой-то опреде-

ленной компании, а основал свою по консалтингу отделов продаж других компаний. В целом, эта группа информантов настроена на профессиональный рост и независимость, подчеркивают, что информационные технологии и социальные сети дают большие возможности для роста и реализации. В то же время, есть другая категория работников мужского пола, которая намного менее успешна. Их объединяет частая смена места работы, отсутствие роста и продвижения по карьерной лестнице. Например, информант Рустем, 40 лет: также работает в продажах уже несколько лет, ушел сюда из другой сферы, нравится, что можно работать из дома. При этом не достиг значимых успехов, имеет средний доход. Особенностью этой категории самозанятых является необязательность, отсутствие стремления к росту и достижениям.

По итогам интервью самозанятых женского пола, выявлена другая классификация, которая исходит из их семейного статуса и ценностных ориентаций. Так, первой категорией являются работницы с доминированием семейных ценностей. Они выбирают удаленную форму по причине удобного совмещения с семейными и материнскими функциями. Поэтому их критерием выбора места работы является удобный график, определенный уровень стабильности в доходе, который бы позволил им обеспечивать детей. Марина, 35 лет, экономист, отмечает, что ей важно обеспечить ежемесячный стабильный доход для оплаты сада, школы, развивающих кружков и репетиторов. Такие сотрудницы выделяются дисциплинированностью, ответственностью на занимаемых позициях, но редко растут по карьерной лестнице до высоких позиций, так как ограничены во времени для дополнительного обучения для перехода к более сложным функциональным обязанностям. Их главным критерием является, чтобы работа была не в ущерб семье. Вторая категория удаленных работниц имеют другие ценностные ориентиры. Как правило, это либо более молодые женщины, не имеющие детей, либо, наоборот, более взрослые женщины, чьи дети уже выросли. Некоторые из них перешли на удаленку случайно, так как форма трудоустройства для них не столь важна, как профессиональный рост и доход. В своей профессии их привлекают возможности роста, саморазвития и высокий доход. В удаленной форме им нравится, что не нужно тратить время на дорогу, можно совмещать с личными делами: посещать косметолога, заниматься спортом, встречаться с друзьями, а также работать из любого города. Эта категория опрошенных женщин быстро поднимаются по карьерной лестнице, имеют высокий доход (200-500 тысяч рублей). Однако в отличие от успешных самозанятых мужчин не имеют стремления к независимости и созданию своего бизнеса. Они не беспокоятся о будущем, так как уверены, что их

опыт и послужной список всегда позволят удачно трудоустроиться в какой-то другой компании, если придется уволиться из текущей.

Таким образом, исследование выявило, что в карьерной ориентации в условиях цифровизации есть гендерная специфика. С одной стороны, доля женщин, участвующих в этом секторе экономики, значительно меньше. В то же время, характер их самореализации значительно отличается. В целом, женщины, с одной стороны, являются более стабильными дисциплинированными работниками что в условиях удаленного трудоустройства очень важной для

работодателя. С другой стороны, имеет место гендерное неравенство, выраженное в разнице доходов, доли женщин в секторе удаленной работы. С одной стороны, это можно объяснить ограничениями, связанными с исполнением семейных ролей жены и матери, с другой – социальным ожиданием карьерных стремлений, которые имеют выраженную гендерную окраску. При этом выраженным преимуществом воздействия цифровизации является больше возможностей для совмещения этих двух сторон жизни женщины без сильного ущерба и необходимости стоять перед выбором.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета: серия 18 социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 119–141.
2. Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология: основы современной социологической теории. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 249.
3. Гневашева В.А. Глобальные тенденции трансформации рынка труда // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2020. – №11. – С. 84–91.
4. Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Распределение социогендерной активности при переходе к цифровому государству // Вестник РГГУ Серия Философия. Социология. Искусствоведение. – 2022. – № 1, часть 2. – С. 256–265. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-256-265
5. Хоткина З.А. Гендерное равенство как экономическая категория // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – С. 83–90.
6. The Digital Divide The Internet and Social Inequality in International Perspective Edited by Massimo Ragnedda, Glenn W. Muschert © 2013 – Routledge.
7. Юдина М.А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Том. 16. – № 1. – С. 97–108.
8. Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Распределение социогендерной активности при переходе к цифровому государству // Вестник РГГУ Серия Философия. Социология. Искусствоведение. – 2022. – № 1. – Часть 2. – С. 256–265.
9. Глава ФНС назвал популярные профессии среди самозанятых по гендерному признаку. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10947391> <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10947391> (дата обращения: 10.09.2022)
10. Средняя зарплата женщин в России оказалась в 1,5 раза меньше, чем у мужчин. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10969195> (10.09.2022)

Информация об авторе

Гимадеева Динара Рифкатовна, соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: dinara.gimady@gmail.com

Gimadeeva D.R.

TRANSFORMATION OF GENDER INEQUALITY IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION

Annotation. The article deals with the transformation of gender inequality under the influence of informatization, which is manifested by the spread of remote technologies and alternative forms of employment. Based on the analysis of statistical data on the registration of the self-employed and differences in income levels in Russian society, gender differences were identified. The results of a qualitative study of self-employed interviews show the differences in the strategy of career orientations and social advancement of men and women.

Keywords: Gener, inequality, internetization, digitalization, employment.

Literature

1. Osipova N.G. Inequalities in the Era of Globalization: Essence, Institutions, Regional Specifics and Dynamics // Bulletin of the Moscow University: series 18 sociology and political science. – 2014. – No. 2. – P. 119–141.

2. Osipova N.G. Sources and types of social inequality // General sociology: foundations of modern sociological theory. – M.: Kanon + ROOI "Rehabilitation", 2017. – P. 249.
3. Gnevasheva V.A. Global trends in the transformation of the labor market // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). – 2020. – No. 11. – Pp. 84–91.
4. Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Distribution of socio-gender activity during the transition to a digital state // Bulletin of the Russian State Humanitarian University Philosophy Series. Sociology. Art criticism. – 2022. – No. 1. – Part 2. – P. 256–265. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-256-265
5. Khotkina Z.A. Gender equality as an economic category // Gender policy in Russia and in the world: economics, management, society: materials of the All-Russian Scientific Conference. – Ivanovo, June 25, 2021. – Ivanovo: Ivan. state un-t, 2021. – P. 83-90.
6. The Digital Divide The Internet and Social Inequality in International Perspective Edited by Massimo Ragnedda, Glenn W. Muschert © 2013 by Routledge.
7. Yudina M.A. The impact of digitalization on social inequality // Living standards of the population of Russian regions. 2020. – Vol. 16. – No. 1. – P. 97–108.
8. Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Distribution of socio-gender activity during the transition to a digital state // Bulletin of the Russian State Humanitarian University Philosophy Series. Sociology. Art criticism. – 2022. – No. 1. – Part 2. – P. 256–265.
9. The head of the Federal Tax Service named popular professions among the self-employed by gender : 10.09.2022)
10. The average salary of women in Russia turned out to be 1.5 times less than that of men. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10969195> (09/10/2022)

Author

Gimadeeva Dinara Rifkatovna, researcher, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

СПЕЦИФИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.27-29

Аннотация. В статье рассматривается возрастающее воздействие национальных и демографических факторов на потребительское поведение населения России. Проведен анализ направленности и масштаба воздействий указанных факторов, представлена их классификация. В работе обосновывается, что каждое новое внешнее воздействие снижает актуальность действующих и повышает спрос на новые потребительские стратегии. Подчеркивается, что в условиях цифрового общества усиливается контроль над совокупными потребительскими действиями и делает их открытыми для товаропроизводителей. По материалам социологического исследования выявлено, что средства массовой коммуникации в настоящее время переживают ренессанс и являются эффективным инструментом воздействия на потребительское поведение населения России. Показано, что в системе факторов влияния при сохранении прослеживаемых тенденций могут появиться новые факторы, которые приобретут доминирующее значение во влиянии на потребительское поведение населения России.

Ключевые слова: потребитель, потребительское поведение, национальные факторы, демографические факторы, национальные и демографические угрозы, региональное развитие, СМИ, качество жизни, благополучие население.

Изменение условий и качества жизни современного человека напрямую зависит от национальных и демографических факторов, воздействующих на них. В последнее десятилетие политическая, экономическая и социальная сферы России не раз меняли вектор своего развития, что сильно повлияло на потребительское поведение населения. В этих условиях роль отдельных факторов, например, развитие межрегиональной инфраструктуры и масштабирование средств массовой коммуникации, влияющих на процесс потребления, «проигрывается» по-новому. Логичным будет отнести обозначенные факторы к национальным, исходя из характера и силы их влияния. В этой связи также следует выделить демографические факторы, которые напрямую оказывают влияние на портрет современного потребителя и его поведение [1, 2].

На основании проведенного автором контент-анализа региональных рекламных кампаний на федеральных телеканалах (Первый, Россия 1, Россия 24, СТС, ТНТ, НТВ, ТВ3, ТВц, Пятница, Пятый, Домашний, Матч, Рен ТВ за 2020–2022 гг.) определено, что с развитием пандемических процессов

и объявленной самоизоляции граждан на первое место среди сервисов товаропроизводителей и продавцов вышли оперативная доставка необходимых потребителям товаров на дом. На фоне возросшего объема онлайн заказов и повышенного уровня закупок «про запас» предпринимателям важно было качественно оценивать наполненность складов и возможности логистических компаний. Уровень развития инфраструктуры в новых условиях стал играть ключевую роль в деятельности частных компаний. С этого момента наличие автодорог, воздушных сообщений, железнодорожных узлов в самих регионах и между ними стало базой для обеспечения населения товарами массового спроса. Особенно остро вопрос с логистикой встал в труднодоступных местах, районах Крайнего Севера и территориях, приравненных к нему [3].

С момента перехода большинства сотрудников компаний на удаленную работу, а школьников и студентов на онлайн-обучение спрос на услуги телекоммуникационных компаний стремительно вырос. Это усилило действие фактора инфраструктуры, влияющего на процесс потре-

бления. Важно отметить, что на фоне высокого спроса телекоммуникационные компании (Ростелеком, Эртелеком, МТС, Билайн) были вынуждены увеличить заработные платы действующих сотрудников и расширить список вакансий в штатных расписаниях, что обеспечило рабочими местами большее количество людей, что способствовало повышению их потребительской активности. Кроме этого, самоизоляция вернула фокус внимания современных потребителей на телевидение за счет высокой конкуренции в кругу семьи за современные гаджеты и интернет. Телевизионный источник информации стал популярным не только в вечернее время, но и в течение дня. Благодаря телевидению как средству массовой коммуникации современный российский потребитель смог оперативно получать информацию о ситуации с пандемией, рекламную информацию и обеспечивать себе досуг [4]. С началом специальной военной операции внимание телезрителей вновь стало прикованным к телевидению, в особенности к информационно-новостным каналам и программам. Кроме того, классические СМИ вновь стали основой медиа продвижения для современных предпринимателей в условиях запрета деятельности компаний Гугл и Мета (Инстаграм и Фейсбук). Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в современных условиях средства массовой коммуникации переживают ренессанс и являются доминирующим фактором формирования потребительского поведения населения России. Фактически каждое новое внешнее воздействие повышает спрос на новые потребительские стратегии.

При изучении потребительского поведения населения России важно анализировать демографическую составляющую страны в целом и регионов в частности в системе глобальных и региональных воздействий на современные общества [5]. Безусловно, пол и возраст играют ключевую роль в принятии решений о покупках. Потребительские действия совершаются на основе личных ценностей и нужд индивида, а они в разном возрасте и у разного пола отли-

чаются. Для прогнозирования половозрастной картины населения региона следует обратить внимание на рождаемость. В первую очередь снижение рождаемости почти на 40% в России и ее регионах в 1990-х годах оказало влияние на количественную составляющую современных потребителей в возрасте от 20 до 30 лет [2]. Аналогичная ситуация с рождаемостью сложилась в 2000-х годах. Как следствие, в настоящее время в большинстве российских регионов проживает преимущественно взрослое население со своей стратегией потребления.

Массовая цифровизация населения в XXI веке стала характерной чертой для России и мира. Сотовая связь, повсеместный доступ в интернет, социальные сети, опубликованные резюме, онлайн действия и многое другое способствовали повышению открытости современного человека для товаропроизводителей и продавцов, а государственные сервисы gosuslugi.ru, nalog.ru вывели население России в открытое пространство для взаимодействия с государственными и муниципальными органами. Преобладание взрослого населения в России существенно влияет на темпы полной цифровизации населения ввиду сложности восприятия технических устройств возрастными людьми. Тем не менее, даже по группе населения в возрасте «65+» собраны достаточно полные данные.

В заключение отметим, что направленность и сила воздействия национальных и демографических факторов на формирование потребительского поведения населения современной России в значительной степени зависит от адаптации населения и предпринимателей к новым условиям, а также от их понимания и восприятия новой социальной реальности. Проявилось, что в условиях политической и экономической турбулентности в России и мире в системе факторов влияния при сохранении прослеживаемых тенденций могут появиться качественно новые факторы, которые приобретут доминирующее значение во влиянии на потребительское поведение населения России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грабельных Т.И. Социально-демографические факторы общественного развития в условиях постглобальной реальности / Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская // *Acta biomedica scientifica*. – 2022. – № 7(2). – С. 72–82.
2. Смакотина Н.А. Глобальные социальные трансформации в контексте демографических изменений и урбанизации // *Acta biomedica scientifica*. – 2022. – № 7(3). – С. 47–56.
3. Ланцов А. Е. Инфраструктура: понятие, виды, значение // *Экономика, Статистика и Информатика*. – 2013. – №3. – С. 49–54.
4. Малых М. М. Влияние пандемии на поведение и портрет современного телезрителя в России (на примере нескольких регионов) // *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»*; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 350–354.
5. Грабельных Т. И. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации / Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, В. В. Зырянов // *Социологические исследования*. – 2022. – № 4. – С. 152–154.

Информация об авторах

Грабельных Татьяна Ивановна, заведующая кафедрой, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, кафедра социальной философии и социологии, доктор социологических наук, профессор.

Малых Марина Михайловна, Генеральный директор ООО «Региональный дом рекламы», выпускница аспирантуры, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, кафедра социальной философии и социологии.

Grabelnykh T.I., Malykh M.M.

THE SPECIFICS OF THE IMPACT OF NATIONAL AND DEMOGRAPHIC FACTORS ON THE FORMATION OF CONSUMER BEHAVIOR OF THE POPULATION OF MODERN RUSSIA

Abstract. The article examines the increasing impact of national and demographic factors on the consumer behavior of the Russian population. The analysis of the direction and scale of the impacts of these factors is carried out, their classification is presented. The paper substantiates that each new external influence reduces the relevance of existing ones and increases the demand for new consumer strategies. It is emphasized that in the conditions of a digital society, control over the total consumer actions is strengthened and makes them open to commodity producers. Based on the materials of a sociological study, it was revealed that the mass media are currently experiencing a renaissance and are an effective tool for influencing the consumer behavior of the Russian population. It is shown that in the system of factors of influence, while maintaining traceable trends, new factors may appear that will become dominant in influencing the consumer behavior of the Russian population.

Keywords: Consumer, consumer behavior, national factors, demographic factors, national and demographic threats, regional development, mass media, quality of life, well-being of the population.

Authors

Grabelnykh Tatiana Ivanovna, Head of the Department, Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, the Department of Social Philosophy and Sociology, Doctor of Sociology, Professor.

Marina Mikhailovna Malykh, General Director of Regional Advertising House LLC, graduate of postgraduate studies, Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Department of Social Philosophy and Sociology.

Literature

1. Grabelnykh T.I. Global and regional impacts on modern societies: new social transformations / T.I. Grabelnykh, N.A. Sablina, V.V. Zyryanov // Sociological research. – 2022. – No. 4. – P. 152–154.
2. Grabelnykh T. I. Socio-demographic factors of social development in conditions of post-global reality / T. I. Grabelnykh, N.A. Sablina, E.V. Lesnikovskaya // Acta biomedica scientifica. – 2022. – No. 7(2). – S. 72–82.
3. Lantsov A. E. Infrastructure: concept, types, meaning // Economics, Statistics and Informatics. – 2013. – No. 3. – S. 49–54.
4. Malykh M. M. The impact of a pandemic on the behavior and portrait of a modern TV viewer in Russia (on the example of several regions) // Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific papers / FGBOU VO "ISU"; [scient. Ed.: T. I. Grabelnykh]. – Irkutsk: IGU Publishing House, 2021. – P. 350–354.
5. Smakotina N.L. Global social transformations in the context of demographic changes and urbanization // Acta biomedica scientifica. – 2022. – No. 7(3). – S. 47–56.

«ЯДРО» И «ПЕРИФЕРИЯ» В СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.30-36

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы изучения содержания исторической памяти. Предметом анализа выступает концепция ядра и периферии, получившей своё признание, как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках. В статье на основе использования метода анализа первичных и вторичных данных всероссийских и региональных социологических исследований выявляются, методологически обосновываются и вводятся в научный оборот понятия «ядро» и «периферия» исторической памяти. В результате проведенного социологического исследования выявлены знания, ценности и оценки, входящие в «ядро» и «периферию» содержания исторической памяти. На теоретическом уровне анализа установлено, что с течением времени, при определённых политических и социально-экономических условиях, содержание «ядра» и «периферии» может меняться. Автор особое внимание уделяет государству, как основному социально-политическому институту, в формировании исторической памяти народа, и указывает на то, чтобы государство сохранило за собой роль главного субъекта в отборе когнитивного и ценностного содержания «ядра» исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, содержание исторической памяти, сохранение исторической памяти, ядро исторической памяти, периферия исторической памяти.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках реализации государственного задания на выполнение фундаментальной НИР по теме «Разработка концептуальных оснований формирования исторической памяти и гражданской ответственности детей и молодежи», проект № 073-00087-22-02

На основе изучения, интерпретации и применения положений концепции ядра и периферии, получившей своё признание, как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках, а также на основе анализа результатов целого ряда масштабных всероссийских и региональных социологических исследований, нами была поставлена исследовательская задача – на теоретическом уровне анализа содержания исторической памяти, выявить, методологически обосновать и ввести в научный оборот понятия «ядро» и «периферия» исторической памяти народа.

За последние два десятилетия предметная область социогуманитарных наук стала активно изучаться с помощью теорий и методов исследования естественных наук. В социологии стало больше появляться научных работ, полученных в результате междисциплинарных исследований. Так, например, выводы об инерционности системы образования были получены автором теории социальной инерции Н.А. Матвеевой на основе использования опыта изучения силы инерции, как физического явления [1].

Решая поставленную исследовательскую задачу, мы обратимся к физическим концепциям структуры атома. Первыми о наличии ядра атома, его структуры заговорили физики и химики в конце XIX-начале XX вв. Они выявили строение ядра и описали возможные ядерные реакции [2,3]. Используя положения физических концепций структуры атома применительно к социологическому анализу содержания исторической памяти народа, выделим возможность наличия в ней определённого «ядра», содержащего определенные элементы.

Применяя метод анализа к изучению структуры научного знания, исследователь А.П. Огурцов выделяет периферию и ядро научного знания: «Существует принципиальное различие между структурами переднего края научных исследований и трансляцией научного знания в культуру, которая обеспечивается прежде всего дисциплинарными механизмами....Передний край науки организован проблемно. Это означает, что знание здесь функционирует иным образом, чем там, где речь идет о передаче полученных результатов последующим поколениям, т.е. в дис-

циплинарной организации научного знания» [4, с. 227]. В настоящее время, в каждой из гуманитарных и естественных наук определен свой набор научных знаний, образующих ядро её содержания. Например, в социологии «ядро» составляют идеи О. Конта, Макса Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, теории социализации, социальной стратификации и некоторые другие. Таким образом, применяя эти идеи к социологическому анализу содержания исторической памяти, выделим возможность наличия в ней не только «ядра», но и «периферии», взаимодействующей с «ядром».

Следуя идеям Т. Парсонса, мы рассматриваем историческую память народа, с её системой определённых знаний, ценностей и оценок, как важную основополагающую компоненту культурной подсистемы общества. Понятие «определённых» используется нами не случайно. На протяжении десятилетий, а то и столетий, государством в первую очередь, а также другими социальными институтами общества определялся, в зависимости от сложившихся внутри государства социально-политических и экономических условий и, влияния внешнеполитических факторов, формировался набор знаний и ценностей, образующих ядро или периферию исторической памяти.

В разработке нового содержания общего образования в конце 2000-х гг. появилась концепция фундаментального ядра общего образования (а в начале 2020-х – «ядра педагогического образования») [5]. Ссылаясь на данную концепцию, применительно к социологическому анализу содержания исторической памяти, мы выделяем такую характеристику «ядра», как универсальность и фундаментальность знаний, входящих в его состав.

В нашем случае, под **ядром и периферией исторической памяти** мы понимаем совокупность исторических знаний, ценностей и оценок, которые являются необходимыми для жизнеустройства индивидов в отдельности, социальных групп и общества в целом. Ядро и периферия исторической памяти имеют одну и ту же структуру (исторические знания, оценки, ценности), но в плане содержательном, они отличаются. Ядро и периферия исторической памяти в процессе социализации личностно начинают вырабатываться ещё в раннем детстве, в семье. Однако основной процесс формирования ядра и периферии исторической памяти осуществляется в процессе обучения в школе, где на основе научно выверенных фактов и с учётом интересов государства, определяются содержательные линии, которые закрепляются в федеральных государственных образовательных стандартах. Именно они содержат те универсальные, базовые исторические знания, которые закрепляются в исторической памяти каждого гражданина, окончившего основную или среднюю школу. Это может происходить и параллельно школьному обучению в ходе

социализации, эти знания могут дополняться и в тоже время интерпретироваться другими социальными институтами, например, СМИ, институтами гражданского общества. Следовательно, ядро и периферия исторической памяти являются результатом множества целенаправленных и синергетически сложенных факторов.

Ещё один исследователь второй половины XX века, Прайс Д. Дж., отмечает важность наличия отлаженной системы коммуникаций, поиска новых научных результатов в формировании внутреннего ядра и поддержания его устойчивости в пространстве и времени [6]. Он приходит к выводу о том, что в институт публикаций работает эффективнее и помогает развиваться своей науке лучше: «Хотя гуманитарные дисциплины имеют свои журналы, статьи с развитым научным аппаратом, библиографии, нормальный темп роста и накопления информации, именно естественно-научные дисциплины сегодня, как и всегда, демонстрируя ускоренный рост и массированное накопление информации, вызывают к жизни новые коммуникационные системы» [7]. Следуя положениям Прайса Д. Дж., в контексте социологического анализа содержания исторической памяти народа, отметим, что «ядро» имеет тенденцию устойчивости за счёт развитой системы коммуникаций между социальными субъектами на межпоколенном уровне, именно при передаче из поколения в поколения системы знаний, ценностей и оценок истории формируется ядро исторической памяти. Таким образом, устойчивость ядра содержания исторической памяти обеспечивается системой межпоколенческих трансляций.

В теории мировых систем, разработанной И. Валлерстайном, получившей широкое распространение, но неоднозначную оценку в мировом научном сообществе, представлены и описаны «ядро», «полупериферия» и «периферия» в системе стран мира и международных отношений [8]. Ядро эксплуатирует, периферия эксплуатируется. Ядро нуждается в периферии для обеспечения высоких темпов своего роста. Изменение ядра возможно только за счёт изменения периферии: «В период структурной перестройки мировой экономики и соответствующей трансформации политической карты изменения происходят за счёт «полупериферии». Из неё одни страны переходят на верхнюю ступень (ядро), другие деградируют до состояния периферии. Наложив трехзвенную модель на «длинные волны» развития мирового хозяйства (циклы Кондратьева), Валлерстайн выявил перемещение мирового «ядра» за последние двести лет. Центр тяжести мировой экономики, согласно его теории, сместился из Великобритании в Германию и далее в период «глобальной цивилизации» на восток в США» [9]. Применительно к анализу содержания исторической памяти народа — это значит, что источником развития ядра является периферия, а элементы периферии

обладают свойством зависимости от состояния элементов ядра. Также может наблюдаться динамика смещения элементов периферии в ядро исторической памяти, и наоборот, знания, входящие в ядро, могут «перетекать» в периферию. Яркий тому пример, события на Украине в последние 10 лет, когда знания о Степане Бандере и других лидеров националистического движения периода Великой Отечественной войны 1941-45 гг., находясь более полувека в периферийной части содержания исторической памяти советского народа, при смене политического режима в 2014 году стали неотъемлемой частью ядра содержания исторической памяти народа Украины. Именно государство как политический социальный институт, на наш взгляд, играет роль определителя рамок и набора знаний, входящих в «ядро» исторической памяти народа.

Ещё одним важным обоснованием присутствия «ядра» и «периферии» в содержании исторической памяти народа, а также, нашего вывода о том, что под воздействием внешних факторов её ядро и периферия могут меняться, являются представленные в современной психологии теории личности [10]. Анализ содержания теорий личности показывает: «Ядро человеческой личности, таким образом, состоит из шкалы ценностей, мотиваций достижения самореализации, свободы выбора и воли. Ядро может быть воспринято только как цельный и неразделимый элемент, на котором и строится в дальнейшем личность человека. К периферии личности относятся те структуры, которые почти непрерывно меняются в течение жизни: опыт и способности; знания, умения, навыки; системы конструктов, личная история; поведение: характер (акцентуации), привычки и манеры (черты), социальные роли, конкретные действия и поступки. Дальняя периферия – это внешность, здоровье, состояние, атрибутика личности» [11, с. 69-70]. Разделение на ядро и периферию личности сугубо функционально и не имеет четкой привязки к тем или иным личностным структурам: «Те структуры, что стабильно, неотъемлемо работают на свободу и самостоятельность человека, являются его ядром (ядрами). Те структуры, которые этого направления сами не задают и могут свободе как помочь, так и помешать – являются периферией. И то, что было ядром в одной жизненной ситуации, может оказаться периферией в другой, и наоборот» [12].

Также в теории систем Т. Парсонса ядром всего общества как системы является структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь популяции [13]. С точки зрения Т. Парсонса социетальная общность определяет и обеспечивает условия существования порядка в обществе и социальной интеграции – ядро всей социальной системы – это система или совокупность коллективов, организованных и упорядоченных на основе единых нормативных образцов, вклю-

чает нормы, ценности и нормативные образцы [13]. Таким образом, теория Парсонса даёт основания для необходимости анализа специфики, особенностей исторической памяти конкретных социетальных общностей как субъектов воспроизводства содержания ядра и периферии исторической памяти народа.

В теории языка, в современном языкознании, «ядро» – это универсальные, известные в речи слова и обороты речи, по-другому, так называемые, «ядерные единицы», которые наиболее часто употребляются [14]. Они образуют активный лексический уровень и участвуют в формировании языковой картины мира. «Языковая картина мира» – это совокупность представлений человека о мире, отраженные в языке [14]. В процессе формирования языковой картина мира с помощью ядерных единиц образуются определённые концепты, аккумулирующие все представления, отражённые в языке. Например, концепт «малая Родина», используемый большим количеством людей, когда речь идёт о патриотизме и гражданственности. Следовательно, использование положений теории языка в анализе содержания исторической памяти с позиции «ядра-периферии» предполагает возможность определения набора языковых единиц, описывающих ядро и периферию исторической памяти.

Обобщая рассмотрение представленных в разных научных областях концепций, теорий и подходов к изучению «ядра» и «периферии», выделим несколько теоретико-методологических оснований, выводов о возможности наличия «ядра» и «периферии», и их характеристик в содержании исторической памяти народа:

Во-первых, ядро и периферия имеют формально одинаковую структуру, состоящую из нескольких элементов – знаний, ценностей и оценок.

Во-вторых, элементы, входящие в ядро исторической памяти народа, являются более устойчивыми за счёт таких своих характеристик, как универсальность, общезначимая ценность для всех субъектов, всех социетальных общностей, а также межпоколенческой трансляцией.

В-третьих, элементы ядра обладают такой характеристикой, как «повышенное свойство образца» и способны к большей частоте трансляции, передачи своего содержания более интенсивно, поскольку образуются и поддерживаются основным политическим социальным институтом – государством.

В-четвёртых, элементы ядра и периферии содержания исторической памяти обладают свойством взаимозависимости и такими характеристиками, как «динамичность» и «изменчивость». Речь идёт о том, составляющие ядро и периферию элементы, имеют свою актуальность и значимость не только на сегодняшний день. С течением времени, или при определённых условиях, их набор может поменяться.

В результате проведённого нами вторичного анализа эмпирических данных всероссийских и региональных социологических исследований, посвящённых проблематике исторической памяти и проведённых за последние 30 лет, удалось выявить ядро и периферию содержания исторической памяти народа.

В первую очередь, в качестве объекта анализа, нами были использованы результаты социологических исследований Центра социально-политического мониторинга РАН-ХиГС (до 2012 г. Социологический центр РАГС). С 1991 года по настоящее время Центр проводит масштабную работу по изучению и мониторингу исторической памяти в российском обществе. Первое исследование в мае–июне 1990 г. было проведено В.И. Меркушиным и А.И. Афанасьевой под руками В.Э. Бойкова и Ж.Т. Тощенко [15]. В дальнейшем социологические исследования Центра проводились в 2001, 2003, 2009, 2015 годах [16].

Также в качестве объекта анализа мы использовали результаты общероссийского исследования 2019 года российского общества социологов (РОСа) «Что мы знаем о Великой Отечественной...», которое является четвертым этапом проекта, начало которому было положено в 2005 г. (руководитель д.филол.н., проф. Ю.Р. Вишневский, члены организационного коллектива: д. филол. н., проф. В.А. Мансуров, д. соц. н., проф. Н.В. Дулина, к. соц. н., доц. Е.Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина, д. соц. н., проф. Г.С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д.В. Шкурин. Выборочная совокупность опрошенных – 10065 студентов – граждан РФ [17].

Кроме вышеперечисленных всероссийских социологических исследований нами проанализированы результаты нескольких региональных исследований: Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; социологического факультета Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского; Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Казанского федерального университета [18].

С целью определения «ядра» и «периферии» в исторической памяти, нами использованы также результаты социологических исследований УНИЛ «Социология народного образования» Алтайского государственного педагогического университета, проведенных при непосредственном участии автора: – социологический анализ исторической памяти в дихотомии «традиционное – инновационное» (межрегиональное социологическое исследование «Социальное качество российской молодежи XXI века», 2010 г.; социологический анализ основных источников информации, оказывающих влияние на процесс формирования

исторической памяти выпускников школ (2013 год); социологическое исследование социального здоровья в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодежи (2017–2018 г.); социологическое исследование оценки риска использования интернет-сайтов в формировании исторической памяти учащейся молодежи с целью противодействия процессам искажения и фальсификации исторических фактов (2018 г.); социологическое исследование по проблеме разработки и реализации государственной политики в области формирования и сохранения исторической памяти детей и молодежи (2019 г.).

Анализ эмпирических данных всероссийских и региональных социологических исследований, посвящённых проблеме исторической памяти народа, позволил нам выявить «ядро» и «периферию» в её содержании. Итак, **ядро исторической памяти народа образуют знания:** о «великих людях российской истории», «военной истории», «становление и развитие российского государства», «социально-экономические изменения в стране». Именно эти знания вызвали наибольший интерес и частоту ответов респондентов в большинстве анализируемых нами социологических исследований.

В контексте интерпретации полученных результатов в определении «ядра» содержания исторической памяти, приведём свои аргументы. Во-первых, для российского государства, защита Отечества занимает особое, сакральное значение. С момента появления государственности и до наших дней страницы военной истории России это всегда чувство гордости, сострадания для всего народа. В памяти каждого поколения россиян есть примеры участия представителей их семей в военных событиях, причем, они практически все имели не наступательный, а оборонительный характер. Например, борьбу с монголо-татарским игом, с интервентами в 1609–1612 гг., Отечественную войну 1812 года, Отечественную войну 1941–45 гг. и т.д. Эти войны унесли десятки миллионов российских граждан. В настоящее время Российская Федерация помогла освободить сирийскую республику от вооружённых банд исламистов, ведёт борьбу с неонацистами на Украине.

Особенно отметим, что самым важным и запоминающимся в памяти всех поколений россиян, являются события Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Память об этой войне, как показал проведённый нами анализ результатов социологических исследований, волнует подавляющее большинство российских граждан. Это позволяет нам сделать вывод о том, что память о Великой Отечественной войне 1941–45 гг., выступает ядром памяти всех ныне живущих поколений граждан России.

Вторым важным элементом, входящим в ядро исторической памяти российского народа, являются знания о

важнейших реформах и революциях, которые кардинально изменяли социально-экономический, социально-культурный и политический уклад общества. В отечественной исторической науке существует понятие «Великие реформы», которые оставили после себя большой след в истории и несут в памяти разных поколений неоднозначные оценки. Например, в характеристиках различных репрезентаций крестьянской реформы 1861 года в исторической памяти российского общества начала XX века исследователь Леонтьева О.В. выделяет как «конфликты памяти» в интерпретации реформы и ее исторических последствий, так и контуры наметившегося тогда общественного консенсуса по данной проблеме [19]. Революции как социальные, так и технологические также стали судьбоносными для многих поколений, общества в целом и государства. Так, Мининков Н.А. в своей работе «Революция в России в начале XX века как умирающее место исторической памяти», отмечая тенденцию забвения в исторической памяти событий Великой Октябрьской социалистической революции, как главного события всего XX в., коренным образом изменившем путь исторического развития не только России, но и всего мира [20]. Он выделяет при этом важное историческое значение сохранения в памяти событий революции для будущих поколений россиян: «Другой урок состоит в том, что те завоевания революции, которые носят позитивный характер и несут в общество начала свободы, необходимо отстаивать и не допускать скатывания к режиму неограниченной и несменяемой власти в какой бы то ни было форме, к замене демократических институтов и процедур их имитацией» [20, с. 112].

То, что в ядро содержания исторической памяти входят знания о выдающихся исторических личностях, объясняется тем, что сама по себе история носит персонифицированный характер, а в памяти людей обычно запечатлеваются не конкретные события, а образы выдающихся правителей, полководцев, общественных деятелей и т.д. Особое значение в закреплении знаний о великих людях российской истории, в сознании людей оказывает, с одной стороны, процесс обучения истории в школе, где каждый период истории представлен десятками государственных деятелей, полководцев, реформаторов, деятелей культуры и т.д., с другой стороны, – политика государства, в форме поддержки юбилейных дат рождения великих людей, возведение памятников, монументов, открытие музеев и т.д.

Как показал анализ первичных и вторичных эмпирических данных указанных всероссийских и региональных социологических исследований, к «периферии» содержания исторической памяти относятся «знания о развитии религий», «истории отдельных народов и процессе объединения их в российское общество», «знания о достижениях в науке, культуре, искусстве», «знания о внешней полити-

ке государства и о международном положении страны». С нашей точки зрения, эти знания вызывают наименьший эмоциональный отклик и интерес у людей. Как мы уже отмечали ранее, историческая память носит избирательный характер. Человек сохраняет и воспроизводит в памяти то, что актуально и задано внешними обстоятельствами, прежде всего политикой государства.

Таким образом, подводя итог социологического анализа содержания исторической памяти народа, сделаем несколько выводов:

- на теоретико-методологическом уровне анализа сложившихся в естественных и в социально-гуманитарных науках концепций и теорий нами обоснована возможность применения в социологическом анализе содержания исторической памяти понятий «ядро» и «периферия»;

- ядро и периферия содержания исторической памяти народа имеет формально одинаковую структуру. Элементами структуры ядра и периферии исторической памяти народа являются знания, ценности и оценки;

- мы выделяем два основных критерия разделения содержания исторической памяти на «ядро» и «периферию». Первый критерий – это такие характеристики элементов ядра как фундаментальность, универсальность, устойчивость. Применительно к исторической памяти, её содержание ядра задано внешними факторами – геополитической ситуацией в мире и политикой государства, системой знаний, ценностей и оценок, трестирующихся из поколения в поколение. Второй критерий – это интерес граждан к историческим событиям прошлого. Интерес, который сформирован, во – первых, на основе жизненного опыта человека, включающего в себя накопленные им знания, ценности, оценки, во-вторых, в результате сложившихся социальных связей и социальных отношений, в процессе социализации личности и коммуникации в социальных общностях;

- на эмпирическом уровне, в результате первичного и вторичного анализа результатов всероссийских и региональных социологических исследований выявлены знания, ценности и оценки, входящие в «ядро» и «периферию» содержания исторической памяти;

- на современном этапе функционирования российского общества **ядро исторической памяти народа образуют знания:** о «великих людях российской истории», «военной истории», «становление и развитие российского государства», «социально-экономические изменения в стране», а к «периферии» содержания исторической памяти народа относятся: «знания о развитии религий», «истории отдельных народов и процессе объединения их в российское общество», «знания о достижениях в науке, культуре, искусстве», «знания о внешней политике государства и о международном положении страны»;

– разделение содержания исторической памяти на «ядро» и «периферию» носит, относительный характер. С течением времени при определённых политических и социально-экономических условиях содержание «ядра» и «периферии» может меняться. Динамика акцентов и значимости знаний как внутри «ядра», так и «периферии» обусловлена такой характеристикой исторической памяти, как ритмичность и цикличность;

– несмотря на изменчивость и постоянное обновление содержания исторической памяти, процесс формирования «ядра» и «периферии» исторической памяти, как показывают результаты социологических исследований – закономерен. Знания, составляющие ядро исторической памяти, приобретают, в отличие от знаний периферии, статус «долженствования». Это значит, что, при определённых обстоятельствах они будут выполнять задачу – «чтобы пом-

нили все» по отношению ко всем членам общества, социальным общностям и формировать у них определённые ожидания – сохранять то, что было раньше и следовать тем ценностям, которым придерживались предшествующие поколения, чтобы обеспечивался порядок и устойчивость всего общества. Знания, ценности и оценки, образующие «ядро» исторической памяти народа, могут при определённых усилиях и политики государства в первую очередь, выступать в качестве стандартов нормативной культуры, основ жизненных сил народа, которые станут предметом передачи из поколения в поколение и послужат важным условием устойчивого развития всего российского общества. Важно, чтобы государство, как основной политический социальный институт, в формировании исторической памяти народа взяло на себя роль главного субъекта в отборе когнитивного и ценностного ядра исторической памяти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеева Н.А. Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования): монография / Н.А. Матвеева. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 263 с.
2. Маляров В. В. Основы теории атомного ядра. – М.: Физматлит, 1959. – 471 с.
3. Широков Ю. М., Юдин Н. П. Ядерная физика. – М.: Наука, 1980. – 727 с.
4. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
5. Фундаментальное ядро содержания общего образования: проект / под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. – М.: Просвещение, 2009. – 48 с.
6. Прайс Д.Дж.С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. М, 1976. – С. 95–96.
7. Прайс Д.Дж.С. Малая наука, большая наука// Наука о науке. – М, 1966. – С. 339–342.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
9. Теория мировой системы Валлерстайна//URL:<http://vzfei.biz/8189-teoriya-mirovoj-sistemy-vallerstajna.html>(Дата обращения 21.03.2022).
10. Аверин В.А. Психология личности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 89 с.
11. Психология и педагогика в медицинском образовании: учебник / Н.В.Кудрявая, К.В. Зорин, Н.Б. Смирнова, Е.В. Анашкина; под ред. проф. Н.В. Кудрявой. – М.: КНОРУС, 2016. – 320 с.
12. Козлов Н.И.Психологос. Энциклопедия практической психологии // URL:<https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologos.-enciklopediya-prakticheskoy-psihologii>(Дата обращения 14.04.2022).
13. Парсонс Т.О социальных системах / Парсонс Т.; под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 832 с.
14. Горбачевский А.А. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие / А.А. Горбачевский. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 280 с.
15. Историческая память: преемственность и трансформации: («круглый стол») // СОЦИС: социол. исслед. – 2002. – № 8. – С. 76–85.
16. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 98–107.
17. Широкалова Г. С. Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 28–37.
18. Шумкова Н.В. Историческая память как интегративный ресурс общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т.22. – №2 (58). – С. 140–150.
19. Леонтьева О. Б. Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 229–245.
20. Мининков Н.А. Революция в России в начале XX века как умирающее место исторической памяти // Новое прошлое / The New Past. – № 2. – 2020. – С. 229–245.

Информация об авторе

Кулиш Виталий Валерьевич, доцент кафедры социологии, политологии и экономики ФГБОУ ВО «Алтайского государственного педагогического университета» («АлтГПУ»)
E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

Kulich V.V.

"CORE" AND "PERIPHERY" IN THE CONTENT OF HISTORICAL MEMORY

Abstract. The article is devoted to solving the problem of studying the content of historical memory. The subject of the analysis is the concept of the core and periphery, which has received its recognition in natural and social-humanities sciences. In the article, based on the use of the method of analysis of primary and secondary data of all-Russian and regional sociological research, the concepts of "core" and "periphery" of historical memory are identified, methodologically substantiated, and introduced into scientific circulation. As a result of the conducted sociological research, knowledge, values and assessments included in the "core" and "periphery" of the content of historical memory are revealed. At the theoretical level of analysis, it is established that over time, under certain political and socio-economic conditions, the content of the "core" and "periphery" may change. The author pays special attention to the state as the main socio-political institution in the formation of the historical memory of the people, and points out that the state retains the role of the main subject in the selection of the cognitive and value content of the "core" of historical memory.

Keywords: historical memory, content of historical memory, preservation of historical memory, core of historical memory, periphery of historical memory.

Literature

1. Matveeva N.A. Inertia of the education system in Russia (theory, methodology and experience of sociological research): monograph / N.A. Matveeva. – Barnaul: Publishing House of BSPU, 2004. – 263 p.
2. Malyarov V. V. Fundamentals of the theory of the atomic nucleus. – M.: Fizmatlit, 1959. – 471 p.
3. Shirokov Yu. M., Yudin N. P. Nuclear physics. – M.: Nauka, 1980. – 727 p.
4. Ogurtsov A.P. Disciplinary structure of science: Its genesis and justification. – M.: Nauka, 1988. – 256 p.
5. The fundamental core of the content of general education: project / edited by V.V. Kozlov, A.M. Kondakov. – M.: Enlightenment, 2009. – 48 p.
6. Price D. J. S. Trends in the development of scientific communication – past, present, future // Communication in modern science. – M, 1976. – Pp. 95–96.
7. Price D. J. S. Malaya nauka, bolshayanauka // Nauka o nauka. – M, 1966. – Pp. 339–342.
8. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world / Translated from the English by P. M. Kudyukin under the general editorship of B. Y. Kagarlitsky. – St. Petersburg: University Book, 2001. – 416 p.
9. Wallerstein's theory of the world system // URL: <http://vzfei.biz/8189-teoriya-mirovoj-sistemy-vallerstajna.html> (Accessed 21.03.2022).
10. Averin V.A. Personality psychology: A textbook. – St. Petersburg: Publishing house Mikhailova V.A., 1999. – 89 p.
11. Psychology and pedagogy in medical education: textbook / N.V. Kudryavaya, K.V. Zorin, N.B. Smirnova, E.V. Anashkina; edited by prof. N.V. Kudryavoy. – M.: KNORUS, 2016. – 320 p.
12. Kozlov N.I. Psychologos. Encyclopedia of Practical Psychology // URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologos-enciklopediya-prakticheskoy-psihologii> (Accessed 14.04.2022).
13. Parsons T. On social systems / Parsons T.; edited by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky. – M.: Akad. Project, 2002. – 832 p.
14. Gorbachevsky A.A. Theory of language. Introductory course: studies. the manual / A.A. Gorbachevsky. – M.: FLINT: Nauka, 2011. – 280 p.
15. Historical memory: continuity and transformation: ("round table") // SOCIS: sociol. research. – 2002. – No. 8. – Pp. 76–85.
16. Pokida A. N., Zybulovskaya N. V. Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring) // Sociological research. – 2016. – No. 3. – Pp. 98–107.
17. Shirokalova G. S. Historical memory of youth: village vs city // Sociological research. – 2020. – No. 9. – Pp. 28–37.
18. Shumkova N.V. Historical memory as an integrative resource of the All-Russian civic identity of student youth. // Humanities: actual problems of humanities and education. – 2022. T.22. – №2 (58). – Pp. 140–150.
19. Leontieva O. B. How the reform became Great: the abolition of serfdom as a "place of memory" in the historical culture of imperial Russia // Dialogue with time. – 2016. – Issue 56. – Pp. 229–245.
20. Mininkov N.A. Revolution in Russia at the beginning of the XX century as a dying place of historical memory // New Past / The New Past. – No. 2. – 2020. – Pp. 229–245.

Author

Kulich Vitalii, docent of the chair of Sociology, Politology and Economics, Altai State Pedagogical University
E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

ПОЛЕЗНАЯ И ВРЕДНАЯ ПИЩА В ПРАКТИКАХ ПИТАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.37-41

Аннотация. Пандемия коронавируса сильно повлияла на повседневность людей, в частности, подверглись сильным изменениям практики питания. Часть практик питания изменилась под воздействием мер по предотвращению распространения пандемии, а часть из них трансформировалась в силу актуализированной установки на укрепление здоровья. В православии практики питания, которые регулируются в соответствии календарным циклом и позицией Церкви, также отразились эти изменения. Исследование данных изменений является востребованным, поскольку помогает выявить смену практик питания православной молодежи в сравнении с их представлениями об идеальном питании и основными страхами, связанными с вредной пищей. Цель настоящей статьи – сравнить представления православной молодежи о полезной и вредной пище с их фактическим употреблением. Интерпретация результатов основывается на эмпирическом исследовании, проведенном в 2022 году. Результаты исследования показали, что в своем пищевом поведении православная молодежь придерживается употребления скоромной пищи (молочно-мясной), в то время как постная пища служит для неё идеалом полезной пищи. Однако не весь состав постной пищи используется респондентами для улучшения здоровья. Осуждение Русской православной церковью крепких алкогольных напитков, энергетиков и тоников способствует тому, что православная молодежь считает их опасными и не употребляет. В целом, практики питания православной молодежи Екатеринбурга после пандемии представлены в скорректированном виде, поскольку они отображают современные тенденции практик здорового питания.

Ключевые слова: питание в православии; повседневные практики питания; православная молодежь; постная и скоромная пища.

Классик социологии Г. Зиммель в своем тематическом эссе указывал, что питание маркирует социальную и культурную жизнь человека и даже общества [1]. Помимо этого, процессы питания представляют собой культурные феномены, которые обозначают определённый социальный статус индивида, культурные границы пищевого поведения, а также маркируют важные черты идентичности [2]. Немаловажное место в практиках питания занимает религия, которая посредством предписаний и рекомендаций регулирует пищевое поведение человека. В настоящее время социологическое изучение влияния религии на практики питания начинает развиваться. В отечественной социологии некоторые аспекты данного анализа представлены в монографии «Социология питания и общественное здоровье» [3]. Основной упор при социологическом анализе практик питания сделан на нормирование религией повседневного пищевого поведения. В зарубежной социологии представлены примеры анализа влияния института религии на

практики питания как части социальной жизни индивида в работе К. Канихэн [4], как части телесных практик в труде Д. Лаптон [5] и многих других аспектах. В комплексном исследовании практик питания малазийцев французского антрополога Ж.-П. Пулэна *Malaysian Food barometer* [6] помимо анализа повседневных практик питания также затронуто мнение респондентов о полезной и вредной пище, однако оно не было подробно освещено. Представления о полезной и вредной пище, как указывал Б.В. Марков [7], относятся к сфере культуры питания и при анализе практик питания указывают на основные пищевые «идеалы» и страхи, риски, которых респонденты стремятся избегать. Социологическая теория Т. Парсонса предлагает удобный инструментарий для осмысления полезной и вредной пищи, которую нормирует религия. По Парсонсу [8] это нормирование предполагает обозначение всеобщих прав и обязанностей, необходимых для каждого члена общины. Сама категоризация пищи и напитков на «полезные» и «вредные»

основывается на представлениях о рациональности, которые укоренены в религиозной традиции, и ликвидации определённых рисков для здоровья людей. Наличие данных представлений у молодежи крупного образования уральского религиозного ландшафта - православия [9] – задает актуальность исследования для выявления их отношения к собственному здоровью и образу жизни в ближайшей перспективе.

Настоящее исследование представляет анализ представлений специфической части молодых людей – православной молодежи, чье пищевое поведение регулируется предписаниями христианства. Предписания христианства отображают специфику практик питания на Ближнем Востоке, отдавая предпочтение рыбе и растительной пище, чем молочно-мясной [10]. Практики питания в православии регулируются рядом предписаний, которые основаны на устоявшейся интерпретации священных текстов (Библия) и священного писания. В христианстве пища понимается двояко: существует пища земная, которая может быть различной и многообразной, и есть «пища духовная», «пища души», которая считается более благословенной и научающей человека разумным делам (Сир. 36:20). К благословенной пище в христианстве и православии относится хлебная лепешка и особенно вино, поскольку оно считается сакральным напитком (Ис. 62:8). В православии основные предписания пищевого поведения сконцентрированы преимущественно в постах – временных воздержаниях от пищи перед или после праздников (от 192 до 216 дней в год). Посредством постных предписаний пища разделяется на две категории: малозначимую скоромную (молочно-яично-мясную), употребление которой менее регламентировано, и считающуюся полезной постную (рыбно-зернобобово-грибную) [11].

Нами предполагается, что респонденты в своих повседневных практиках питания, соответственно тому, как пища нормируется в православии, будут ориентироваться на полноценное употребление пищи, близкой по структуре к постной, отвергая в то же время ту пищу и напитки, которые относятся к категории скоромной пищи.

Для характеристики практик питания православной молодежи Екатеринбурга использованы результаты эмпирического исследования православной молодежи, проведенного в 2022 году (N = 386, целевой вид отбора). Распределение респондентов по полу составило 73,2 % – женщины, 26,8 % – мужчины, основная возрастная группа, представленная в выборке – молодежь (18-25 лет). 37,4 % опрошенных идентифицировали себя как представителя среднего класса, каждый третий указал, что финансовых средств им хватает только на покупку одежды и еды.

В опросном листе были выделены 4 крупных блока вопросов: режим питания, социальная организация при-

емов пищи, состав практик питания респондентов, представления о полезной и вредной пище. При построении анкеты использовались апробированные эмпирические индикаторы, представленные в работах Ж.-П. Пулэна, Е. Ганскау, В. Мининой и О. Д. Фаис-Леутской [6, 12, 13], в которых освещаются результаты масштабных эмпирических исследований.

Исследование режима и социальной организации питания респондентов указало на качественно новую ситуацию в пищевом поведении респондентов, вызванную во время пандемии мерами по самоизоляции и ограничению социальных контактов населения. 44% православной молодежи предпочитают трехразовое питание, 41% опрошенных употребляют пищу четыре раза в день, более пяти раз совершают приемы пищи 16% респондентов. Православная молодежь в большинстве предпочитает дома завтракать (77%) и ужинать (62 %), вне дома большая часть респондентов принимает обед (60%), но не завтрак (23 %) и ужин (38%). Предпочтение принимать пищу дома объясняется и тем, что часть молодежи находится временно на иждивении старшего поколения (24 %) или работает удаленно. 49% опрошенных готовят пищу самостоятельно. Поскольку большая часть молодежи в данном возрастном интервале только начинает строить партнерские отношения и создавать семьи, проживая вместе с родителями дома или в общежитии, соответственно, 61% молодежи принимает завтрак в одиночку, 45,2% обедают тоже одни, ужинают таким образом 43 %. Думается, что данная индивидуализация практик питания православной молодежи является временной и будет уменьшаться по мере того, как респонденты будут создавать семьи.

Полученные данные показывают, что состав практик питания для православной молодежи после пандемии изменился в сторону здоровой пищи. Обычно православная молодежь ежедневно употребляет мясные продукты (14%), кондитерские изделия (13%) и кисломолочные продукты (12%). Среди напитков молодые православные ежедневно употребляют бутилированную воду (35%), чай (29%) и кофе (12 %). Православная молодежь употребляет мало энергетиков (6%) и алкогольных напитков (2%), данный факт объясняется влиянием Церкви, которая отрицательно относится к данным напиткам и не рекомендует их употреблять [14].

При изучении представлений об идеальной, здоровой пище православной молодежи было выявлено противоречие, что в отличие от фактических практик питания, по мнению респондентов, полезной пищей считаются ими в первую очередь овощи и зернобобовые (30,7%), затем мясо, которое православная молодежь употребляет ежедневно, (21 %) и фрукты с ягодами (19,2%). Из напитков православные молодые считают полезной для здоровья негазированной

ную воду (38, 2%), кисломолочные напитки (20,6%) и различные сиропы, соки и отвары (19, 5%). В число полезных блюд респонденты отнесли различные каши (44 %), супы (29,6%) и салаты (18,5%). Зная, что для здоровья полезны в том числе рыба и яйца, православная молодежь практически не включает эту пищу в свой рацион. Как было установлено, православные молодые люди также хорошо осведомлены о пользе кисломолочных напитков и различных соков, сиропов и отваров, тем не менее, эти напитки также редко встречаются в рационе православной молодежи (табл. 1).

Особенно вредны для организма, по мнению молодых православных, сладкие кондитерские изделия, которые ре-

спонденты употребляют почти ежедневно (30 %), полуфабрикаты (27 %) и хлебобулочные изделия, бакалея (22 %). Среди напитков православная молодежь считает нежелательным употребление газированных безалкогольных напитков (39,5%) и крепкого алкоголя (26,3%). 16 % ответивших считают кофе вредным для здоровья (табл. 2).

Среди блюд считаются наиболее вредными чипсы (37 %) и майонез (26%). Опасными категориями пищи названы «жирное, жареное в масле» (54 %) и фастфуд (37%). Определённые страхи молодежи перед употреблением вредной пищи в некоторой степени преувеличены, в частности, они считают газированные безалкогольные напит-

Таблица 1

Фактическое потребление пищи и напитков и мнение респондентов о полезной и вредной пище

(ответы на вопросы: Укажите, какую пищу Вы обычно принимаете каждый день?

На Ваш взгляд, какая пища является самой вредной и нездоровой?

На Ваш взгляд, какая пища является наиболее полезной для здоровья? %)

Пища	Фактическая	Полезная	Вредная
Консервы и пресервы	1,5	0	4
Яйца	6	5,7	0
Рыба и рыбопродукты	3	15,4	0
Кисломолочная	12	6,2	3
Полуфабрикаты	4	0	27
Сахарные и кондитерские изделия	13	0	30,4
Фрукты и ягоды	11	19,2	0
Хлеб и бакалея	11,5	2	22
Мясо и мясопродукты	14	2,1	17,3
Макароны	8	0	13
Овощи, бахчевые и зернобобовые	12	30,7	0

Таблица 2

Фактическое потребление пищи и напитков и мнение респондентов о полезных и вредных напитках

(ответы на вопросы: Укажите, какие напитки Вы обычно принимаете каждый день?

На Ваш взгляд, какие напитки являются самыми вредными и нездоровыми?

На Ваш взгляд, какие напитки являются наиболее полезными для здоровья? %)

Напитки	Фактические	Полезные	Вредные
Вода	35	38,2	0
Чай	29	17,6	0
Кофе	12	3	15,7
Кисломолочные	6	20,6	2
Энергетики, тоники	7	0	7,9
Безалкогольные напитки, газировка	7,6	0	39, 5
Пиво	2	0	5
Сиропы, соки	1,5	19,5	3
Вино	0	0	5,4
Наливки и ликеры	0	0	0
Крепкие алкогольные напитки	2	0	26,3

ки (39,5 %) и крепкие алкогольные напитки (26, 3 %) более вредными по сравнению с пивом (5%) и энергетиками (7,9 %), злоупотребление которыми оказывает неблагоприятное воздействие на здоровье человека [15, 16]. Неприятие жирной, масляной пищи и фастфуда, наиболее вероятно, является следствием ориентации пищевого поведения респондентов восстановить и улучшить здоровье, которое подверглось деструктивным процессам во время пандемии.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показали, что в своем пищевом поведении православная молодежь придерживается употребления скоромной пищи (молочно-мясной), в то время как постная пища остается для православной молодежи более полезной, но при этом далеко не весь рацион постной пищи используется респондентами. С точки зрения теории Т. Парсонса здесь наблюдается неполное осуществление Церковью контроля над практиками питания паствы, православная молодежь использует

далеко не полный репертуар здоровой пищи для улучшения здоровья после пандемии. Влияние Церкви на рациональное пищевое поведение респондентов отображается в их употреблении напитков: осуждение Русской православной церковью крепких алкогольных напитков способствует тому, что православная молодежь считает их опасными и не употребляет. Употребление пива православная молодежь считает менее рискованным, хотя оно и вызывает зависимость. В этой части употребления напитков наблюдается противоречие между стратегией Церкви ликвидировать опасные риски для здоровья паствы и стремлением последней подвергнуть себя рисковому пищевому поведению. Наиболее гипертрофированным страхом в практиках питания респондентов представлены газированные, безалкогольные напитки, которые часть респондентов, тем не менее употребляет. В целом, практики питания православной молодежи Екатеринбурга отображают современные тенденции практик здоровьесбережения

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зиммель Г. Социология трапезы // Социология, теория, маркетинг. – 2010. – Вып. 4. – С. 187–192.
2. Антонова Н.А. Конструирование тела: социологический анализ пищевых практик в условиях современного общества // *Primo aspectu*. – 2018. – Вып. 1. – С. 19–24.
3. Социология питания и общественное здоровье / под ред. Ю. В. Веселова. СПб: Скифия принт, 2018. – 324 с.
4. Counihan C.M. *Around the Tuscan Table. Food, Family, and Gender in Twentieth-century Florence*. – London : Routledge, 2004. – 248 p.
5. Lupton D. *Food, the Body and the Self*. – NY: Sage Publications, 1998. – 192 p.
6. Poulain J.P., Tibere L., Laporte C., Mognard E., Ragavan N. A., Zadeh A.A., Noor I.M. *Malaysian Food Barometer (MFB): a study of the impact of compressed modernization on food habits* // *Malaysian Journal of nutrition*. – 2020. – Vol. 26 (1). – Pp. 1–17.
7. Марков Б.В. *Культура повседневности*. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
8. Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект-Пресс, 1998. – 269 с.
9. Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2020. – 183 с.
10. Фурцев Д.О. Возникновение и развитие систем пищевых запретов в авраамических религиях (сравнительный анализ). Дисс ... канд. филос. н. – Москва: МГУ, 2021. – 137 с.
11. Похлебкин В.В. *Национальные кухни наших народов*. – М.: Пищевая промышленность, 1981. – 304 с.
12. Ганскау Е.Ю., Минина В.Н., Семенова Г.И., Гронов Ю.Е. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2014. – Том XVII, Вып. 1 (72). – С. 41–58.
13. Фаис-Леутская О.Д. Напитки как социальные маркеры в Сицилии: традиции потребления и предпочтения // *Этнографическое обозрение*. – 2019. – Вып. 4. – С. 114–130.
14. Выдумкин А. Святые отцы о грехе винопития / *Pravoslavie.ru* [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/32523.html> (дата обращения 20.07.2022)
15. Кущёв Д.В., Кущёва Н.С. Особенности индивидуально-личностных свойств больных с алкогольной зависимостью // *Академический журнал Западной Сибири*. – 2011. – № 3. – С. 30–31.
16. Трофимов Н.С., Кутя С.А., Кривенцов М.А., Мороз Г.А., Гафарова Э.А., Эннанов Э.Х., Никитина О.В., Алексеев М.А., Андреева О.В. Влияние энергетических напитков на здоровье человека // *Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины*. – 2019. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 75–82.

Информация об авторе

Латышев Дмитрий Михайлович, аспирант, Уральский федеральный университет, Департамент политологии и социологии, кафедра прикладной социологии.

E-mail: dmitry.latyshhev@urfu.ru

USEFUL AND HARM FOOD IN NUTRITIONAL PRACTICES OF THE ORTHODOX YOUTH
IN EKATERINBURG IN PANDEMIA COVID-19

Abstract. Pandemia Covid-19 was impacted on everyday practices, particularly, the feeding ones were changed strongly. Some of them transformed with conditions to non-spread of this disease, a part of them did that with tendency to improve a health. In Orthodox feeding practices, that regulated with calendar and feast cycles, Church inscriptions, these changes were also implemented. To study this question is actual because fact that helps to research nutrition transformations of Orthodox youth comparing it with their opinions about the ideal nutrition and the main fears linked with harm food. The main task of this investigation is to compare the Orthodox youth opinions about harm and useful food with its factual consumption. Results interpretation based on the empirical study in 2022. They showed that Orthodox youth in their feeding practices keep to consumption of meat-milk food ("skoromnaya"), but the lean food is an ideal of useful and healthy food. As it was found out not all lean food repertoire is used to improve health by young people. Russian orthodox church opinion to prohibit usage of alcohol, tonic and energy drinks impact on that Orthodox youth thought them dangerous and did not consume them. In a whole vision Orthodox youth feeding practices in Ekaterinburg were corrected, because they represent modern tendencies of health nutrition in time of pandemia.

Keywords: nutrition in Orthodox church; everyday feeding practices; orthodox youth; lean and milk-meat food.

Literature

1. Zimmel' G. Meal sociology // Sociology, theory, marketing. – 2010. – Vol. 4. – P. 187–192.
2. Antonova N. L. The body construction: a food practices sociological analysis in the context of modern society // Primo aspectu. – 2018. – Vol. 1. – P. 19–24.
3. Sociology of food and social health. Saint-Peterburg, 2018. – 324 p.
4. Counihan C.M. Around the Tuscan Table. Food, Family, and Gender in Twentieth-century Florence. – London : Routledge, 2004. – 248 p.
5. Lupton, D. Food, the Body and the Self. – NY: Sage Publications, 1998. – 192 p.
6. Poulain J.P., Tibere L., Laporte C., Mognard E., Ragavan N.A., Zadeh A.A., Noor I.M. Malaysian Food Barometer (MFB): a study of the impact of compressed modernisation on food habits // Malaysian Journal of nutrition. – 2020. – Vol. 26 (1). – Pp. 1–17.
7. Markov B.V. Everyday life culture. – Saint-Peterburg, 2008. – 352 p.
8. Parsons T. System of modern societies. Moscow, 1998. – 269 p.
9. Interethnic relations and religious situation monitoring in Urals, Siberia, and Farther East. Expert relise for 2019. Moscow-Omsk, 2020. – 183 p.
10. Furtsev D.O. Feeding obligations emerging and development in Abrahamic religions (comparative analysis). Theses. Moscow, 2021. – 137 p.
11. Pohlebkina V.V. National cuisines of our nations. Moscow, 1981. – 304 p.
12. Ganskau E.Yu., Minina V.N., Semenova G.I., Gronou Yu.Ye. Everyday feeding practices of citizens in Saint-Peterburg and Leningrad oblast // Journal of sociology and social anthropology. – 2014. – T. XVII, Vol (72). – P. 41–58.
13. Fais-Leutskaya O. D. Drinks as social markers in Sicilia: consumption traditions and preferences // Ethnographic review. – 2019. – Vol. 4. – Pp. 114–130.
14. Vydumkin, A. Holy fathers about the winedrinking sin. [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/32523.html> (handling data 20.07.2022)
15. Kushev D. V., Kusheva N. S. Patients with dipsomania dependence individual and personal peculiarities // Academic journal of Western Siberia. – 2011. – Vol.3. – Pp. 30–31.
16. Trofimov N.S., Kutya S.A., Kriventsov M.A., Moroz G.A., Gafarova E.A., Ennanov E.Kh., Nikitina O.V., Alekseev M.A., Andreeva O.V. Energy drinks impact on human health // Crimean journal of experimental and clinical medicine. – 2019. – T. 9. – Vol. 3. – Pp. 75–82.

Author

Latyshev Dmitrii Mikhailovich, graduate student, Urals Federal University, Department of Political science and Sociology, chair of applied sociology.

E-mail: dmitry.latyshev@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.42-45

Аннотация. В статье освещается специфика поступательного перехода от классических моделей потребительского поведения населения к новым антикризисным макро-моделям, детерминированным новыми факторами и условиями геополитической и пандемической реальности. В качестве «актуальных» макро-моделей потребительского поведения предложены три: социально-профицитная «потребитель избалованный», социально-технологическая «потребитель технологизированный» и социально-информационная «потребитель информированный». Выявлено, что геополитическая и пандемическая реальность в своей взаимосвязи формируют новые тенденции в структуре потребительского поведения населения России, в числе которых нарастание обменных процессов на потребительском рынке. Отмечается, что в современных условиях важно учитывать не только потребление товаров и услуг, но и потребление информации как ключевого фактора цифрового общества. Авторы подчеркивают, что личный информационный запрос потребителя является следствием внешнего информационного давления.

Ключевые слова: социальная трансформация, потребитель, потребительское поведение, «актуальная» модель потребительского поведения, информация, геополитическая реальность, пандемическая реальность, цифровое общество.

В условиях новой социальной реальности, когда потребление служит основным ориентиром для массового производства, потребитель является ключевым субъектом социально-экономического процесса. В России развитие рыночной экономики, как альтернативы плановой, связано со сменой политического режима и переходом от индустриального уклада к постиндустриальному, произошедшему в 1990-х годах. Новые рыночные условия для российских потребителей и зарождавшихся предпринимателей были скорее стрессовыми, нежели гармоничными и ожидаемыми. Вследствие чего, потребительские модели, формировавшиеся в тот период, были не уникальными в силу национальной специфики, а преимущественно ориентированными на Запад [1]. Менее чем за четверть века российскому предпринимательству пришлось в короткие сроки заимствовать и адаптировать финансовые и маркетинговые стратегии более опытных в рыночной экономике стран, а российской науке анализировать и прогнозировать социально-экономическую, социально-политическую и социокультурную жизнь общества в новых условиях. Наработки ученых и апробированные стратегии предпринимателей были актуальны два последних десятилетия [2, 3].

В период с 2020 по 2022 гг. происходит смена вектора развития во всех сферах жизнедеятельности современного человека. Внешние и внутренние геополитические и пандемические воздействия оказали влияние на поступательный переход от классических моделей потребления к новым антикризисным макро-моделям, сделав их наиболее актуальными для современных условий. «Актуальные модели потребительского поведения» в своей работе мы определяем как совокупность потребительских действий, сформированных под воздействием современных макро-системных социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов, новых вызовов и угроз. Это характеризует новое направление в развитии методологии исследований современного общества потребления в условиях социальных трансформаций как следствия глобальных и региональных воздействий [4].

На основании проведенного авторами контент-анализа региональных рекламных кампаний на федеральных телеканалах (Первый, Россия 1, Россия 24, СТС, ТНТ, НТВ, ТВ3, ТВц, Пятница, Пятый, Домашний, Матч, Рен ТВ за 2020–2022 гг.) определено, что пандемия и специальная военная операция выявили доминирование отдельных человеческих

ценностей, что, безусловно, повлияло на потребление, его структуру и основные стратегии потребительского поведения населения. На первое место в 2020-2021 гг. вышли здоровье, национальная и социальная безопасность, в 2022 году на лидирующие позиции выдвинулись ценности патриотизма, военного опыта, материальной обеспеченности и социальной мобильности. В условиях глобальных и локальных вызовов в отечественном потреблении сформировались новые тенденции, наиболее актуальными и заметными из которых стали три: 1) рост «потребления онлайн»; 2) распространение «потребления впрок»; 3) увеличение «потребления в благотворительных целях». Остановимся на каждой из них:

«Потребление онлайн». Информация о том, что новая коронавирусная COVID-19 и другие инфекции передаются через поверхности и прикосновения, заставила людей бояться прямых контактов друг с другом. На этом фоне бесконтактная доставка достаточно быстро стала ключевым объектом рекламирования многих представителей бизнеса и сегментов рынка. Лекарства, продукты питания, еду, текстиль и даже обувь в режиме самоизоляции можно было заказать «под дверь». Оплата онлайн, равно как и заказ, в последнее десятилетие XXI века стали нормой. Особенно актуальными для современных потребителей стали сервисы онлайн заказов Wildberries и Ozon. Преимуществами новой системы потребления, которые оценили российские потребители, стали широкий выбор товаров, скорость доставки и возможность заказать и оплатить онлайн.

«Потребление впрок». Обилие информации заставляет людей потреблять ее без качественного анализа и предварительной обработки. На фоне геополитических и социально-экономических изменений в России и мире средства массовой коммуникации стали инструментом влияния на сознание общества. Сообщения о дефиците товаров и их многократном удорожании заставляют людей запасаться продуктами впрок на регулярной основе. Большой популярностью пользуются товары массового спроса и базовой продуктовой корзины: крупы, мука, сахар, масло, мыло, чай и др. На этом фоне в продуктовых сетях нередко случаи искусственного повышения цен на эти категории товаров.

«Потребление в благотворительных целях». История России и мира показала, что в кризисные времена, будь то военные конфликты или пандемические вызовы, люди способны объединяться во имя сохранения нации. Помощь друг другу становится основным делом каждого. При острой нехватке автотранспортных средств в медицинских учреждениях во время пандемии во многих регионах обычные граждане организовывали отряд из добровольцев на собственных машинах, которые доставляли врачей и медсестер на вызовы к больным. Затраты на бен-

зин и обслуживание автомобилей брали на себя. В то же время волонтерами были открыты пункты сбора помощи медперсоналу в больницах и поликлиниках. Они принимали средства защиты, лекарства для лечения и профилактики COVID-19, питьевую воду, дезинфекторы для обработки рук и поверхностей и др. С началом специальной военной операции в Украине во всех регионах открылись пункты сбора помощи фронту и беженцам. Неравнодушные люди покупают и приносят теплые вещи, лекарства, питьевую воду, средства для обработки ран и иные необходимые вещи. Предприниматели выделяют средства и помещения для сбора гуманитарной помощи.

Анализируя тенденции в развитии сферы потребления, важно определить специфические характеристики человека потребляющего, которые в современных условиях отражаются в новых антикризисных макро-моделях потребительского поведения:

1. *Социально-профицитная модель «потребитель – избалованный».* Рыночная экономика породила высокую конкуренцию во всех сегментах рынка. Конкуренция, в свою очередь, породила большое обилие товаров в разных ценовых диапазонах и внушительный объем торговых точек на квадратный километр населенного пункта. Важно отметить, что потребитель избалован не только товарами и магазинами, но возможностями покупок и способами оплат. В современных условиях помимо популярных офлайн и онлайн форматов наблюдается нарастание обменных процессов на потребительском рынке, таких как перепродажа бывших в употреблении вещей и обмена текущими вещами между индивидами. Это может свидетельствовать как о профицитности рынка, так и о снижении благосостояния населения России. Оплатить покупки современный потребитель может дебетовой или кредитной картой, наличными, потребительским кредитом или картой рассрочки.

2. *Социально-технологическая модель «потребитель – технологизированный».* Формат современных технических устройств удобен и эргономичен. Работать, обмениваться информацией, учиться сегодня возможно из любой точки мира. Потребление как процесс стало простым и оперативным под влиянием факторов инфраструктуры и технологий. В условиях высоких скоростей проживания жизни, особенно в крупных городах, человеку приходится решать несколько важных задач одновременно, поэтому потребление должно быть удобным и быстрым [5]. Благодаря маркетинговым усилиям крупных производителей в современных условиях потребление стало неотъемлемой частью жизни каждого индивидуума. В этом секрет больших объемов потребления.

3. *Социально-информационная модель «потребитель – информированный».* Доступность информации дает по-

ребителю возможность оперативного сбора данных о любых товарах и услугах. В этих условиях особенно важно предпринимателям следить за отзывами в социальных сетях и справочниках, обращаться с просьбами к потребителям о даче положительных развернутых отзывов о товарах и услугах. Ключевую роль играет наличие качественного сайта компании с достоверной информацией о торговых предложениях, ведь постоянное самоинформирование стало привычкой для человека, сформированной отсутствием желания совершить ошибку в своих потребительских действиях.

Активное потребление распространяется не только на товары и услуги, но и на информацию, потому что средства массовой коммуникации тоже являются продуктом. Информированный и информирующийся потребитель находится в постоянном поиске и обработке информации из разных источников. Информацию, которую человек обрабатывает, можно поделить на две категории: входящая и запрашиваемая. Входящая информация поступает к человеку без его запроса и участия. К ней относятся: телевидение и радио; баннеры наружных конструкций; информирования в общественных местах; информация, поступающая от знакомых, друзей, семьи и коллег. Данную категорию информации человек не запрашивает, но обращает на нее внимание и вынужденно обрабатывает.

Ко второй категории относится запрашиваемая информация, которая формируется потребителем под внешним информационным давлением. К запрашиваемым источникам отнесем: поисковые системы, справочники и карты, сайты компаний, окружение и социум. Деление информации по категориям может служить для товаропроизводителей и продавцов маркетинговой подсказкой с целью грамотного распределения посылов в рекламных сообщениях на различных медианосителях.

В заключение следует отметить, что модели потребительского поведения являются следствием жизнедеятельности общества, формирующейся под влиянием макро-системных факторов в их взаимосвязи. Если формирование классических моделей потребления с приходом рыночной экономики в России проходило в рамках нескольких лет, то переход к антикризисным макро-экономическим моделям в условиях новой геополитической и пандемической реальности произошел стремительно. Современные тенденции в развитии общества «антикризисного» потребления позволили нам предложить «актуальные модели потребительского поведения» как совокупность потребительских действий, сформированных под воздействием современных макро-системных социально-экономических, социально-политических и социокультурных вызовов и угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алешина И.В. Поведение потребителей. – М.: Фаир-Пресс, 2017. – 525 с.
2. Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е. Уральские социологические чтения: историко-социологические исследования: монография / Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский м-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 176 с.
3. Барден Ф. Взлом маркетинга. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 304 с.
4. Грабельных Т.И., Саблина Н.А., Зырянов В.В. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации // Социологические исследования. – 2022. – № 4. – С. 152–154.
5. Меренков А.В., Данилова А.В., Кораблева Г.Б., Ракевич Е.В. и др. Социальное пространство современного города: монография. – М.; Екб.: Юрайт, 2020. – 250 с.

Информация об авторах

Малых Марина Михайловна, генеральный директор ООО «Региональный дом рекламы», выпускница аспирантуры, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, кафедра социальной философии и социологии.

Грабельных Татьяна Ивановна, заведующая кафедрой, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, кафедра социальной философии и социологии, доктор социологических наук, профессор.

Malykh M.M., Grabelnykh T.I.

TRANSFORMATION OF MODELS OF CONSUMER BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE NEW GEOPOLITICAL AND PANDEMIC REALITY

Abstract. The article highlights the specifics of the progressive transition from classical models of consumer behavior of the population to new anti-crisis macro-models determined by new factors and conditions of geopolitical and pandemic reality. Three "relevant" macro-models of consumer behavior are proposed: the socially surplus "spoiled consumer", the socio-technological "technologized consumer" and the socio-informational "informed consumer". It is proved that the geopolitical and pandemic reality in their interrelation form new trends in the structure of consumer behavior of the Russian population, including the growth

of exchange processes in the consumer market. It is noted that in modern conditions it is important to take into account not only the consumption of goods and services, but also the consumption of information as a key factor of the digital society. The authors emphasize that the consumer's personal information request is a consequence of external information pressure.

Keywords: social transformation, consumer, consumer behavior, "current" model of consumer behavior, information, geopolitical reality, pandemic reality, digital society.

Literature

1. Alyoshina I.V. Consumer behavior. – M.: Fair-Press, 2017. – 525 p.
2. Vishnevsky Yu.R., Zborovsky G.E. Ural sociological readings: historical and sociological research: monograph / Yu.R. Vishnevsky, G.E. Zborovsky Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, Ural. feder. un-T. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2015. – 176 s.
3. Barden F. Hacking marketing. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. – 304 p.
4. Grabelnykh T. I., Sablina N.A., Zyryanov V.V., Global and Regionals impacts on Modern societies: new social transformations // Sociological research. – 2022. – № 4. – P. 152–154.
5. Merenkov A.V., Danilova A.V., Korableva G. B., Rakevich E. V., etc. The social space of a modern city: monograph, M.; Ekb.: Yurayt, 2020. – 250 p.

Authors

Marina Mikhailovna Malykh, General Director of Regional Advertising House LLC, graduate of postgraduate studies, Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Department of Social Philosophy and Sociology.

Grabelnykh Tatiana Ivanovna, Head of the Department, Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, the Department of Social Philosophy and Sociology, Doctor of Sociology, Professor.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНЬ)

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.5.46-51

Аннотация. В статье рассматривается процесс социальной адаптации студентов, приехавших в столицу Республики Татарстан – город Казань для получения высшего профессионального образования. Исследование основывается на применении микс-метода с использованием анкетного опроса и глубинных интервью. Цель исследования состоит в анализе процесса социальной адаптации студентов к новой среде, а также факторов, оказывающих влияние на характер адаптации. Автор делает попытку понять как освоенность в городе, отношение местных и статус «приезжего» влияют на чувство безопасности, плотность связей с бывшими земляками, и отношение к малой родине. Фокус исследования направлен на изучение адаптации академических мигрантов в условиях города, который был выбран для переезда, при анализе учитываются культурные особенности города и специфика их влияния на адаптацию. Анализ практик социальной адаптации иногородних студентов позволил охарактеризовать город Казань, как регион, обладающий высоким адаптационным потенциалом.

Ключевые слова: образовательная миграция, адаптация студентов, Казань, студенчество.

Для большинства молодых людей (как правило из не-центральных регионов) получение высшего образования после окончания школы сопряжено с необходимостью переезда из своего родного города, села, области или республики [1]. Этот процесс мы понимаем как образовательную миграцию. Образование является одним из ключевых факторов внутренней миграции. Согласно отчету глобального мониторинга образования ЮНЕСКО, в 2019 году, данные из 53 стран демонстрируют, что вероятность миграции увеличивается втрое среди тех, кто имеет среднее образование, и увеличивается в четыре раза среди тех, кто имеет высшее, по сравнению с людьми без образования [2, с. 15].

При этом мигранты неизбежно сталкиваются с серьезными вызовами адаптации на новом месте. Образовательная миграция, характеризуется сменой места жительства, кругом общения, характером занятости, приобретением ряда новых социальных статусов, центральными из которых становятся – «студент» и «приезжий». Необходимость приспособиться к новым условиям запускает процесс адаптации, который выражается в том, что иногородний студент осваивает город, заводит новые знакомства, выстраивает

быт, находит компанию по интересам, получает первый трудовой опыт и самореализуется.

Мы также предполагаем, что социально-экономический потенциал Казани, стремительно возросший за последние 5–10 лет, играет немаловажную роль как в процессе привлечения академических мигрантов, так и в процессе их адаптации и последующей оседлости в городе. Предположение о влиянии экономической среды на образовательную миграцию подтверждается исследованием, которое показывает, что экономическая среда, в которую включен университет, коррелирует с привлекательностью для студенческой миграции [3]. В частности, существенное значение имеет уровень безработицы в регионе [Там же, с. 278]. Это объясняется тем, что при выборе ВУЗа и региона миграции иногородними абитуриентами приоритетным образом оценивается шанс найти работу после завершения учебы. Религиозно-этнические, культурные, исторические, архитектурные, инфраструктурные особенности города так же могут облегчить или затруднить процесс адаптации.

Сбор эмпирических данных в рамках исследования социальных практик адаптации иногородних студентов в ус-

ловиях образовательной миграции проводился с помощью анкетирования и биографических интервью. В ходе исследования было собрано 30 глубинных интервью среди иногородних студентов и выпускников последних лет Казанского федерального университета. Социально-демографические характеристики информантов, следующие: студенты 3-4 курса бакалавриата (10 человек), студенты 1-2 курса магистратуры (11 человек), выпускники бакалавриата (5 человек) и магистратуры (4 человека). Распределение по полу равномерное – 14 мужчин и 16 женщин. Интервью проводились с марта по апрель 2022 года.

В анкетном опросе приняли участие 441 человек из 17 структурных подразделений университета разной направленности. Данная статья основывается на ответах 410 человек, отобранных по региону проживания (не проживающие в Казани до момента поступления) и курсу обучения (обучающие старших курсов и выпускники). Опрос проводился в мае 2022 года с использованием онлайн-платформы Google Forms.

Социальный портрет студентов, следующий: распределение по полу равномерное (50% девушек, 50% юношей), среди опрошенных по 37% студентов третьего и четвертого курса бакалавриата, 13% студентов первого курса магистратуры и 11% студентов второго курса магистратуры. Среди магистрантов 70% оканчивали бакалавриат в Казанском федеральном университете, 11% в другом вузе Казани, 10% в вузе своего родного города, 6% в вузе другого (неродного) города, и также порядка 2% оканчивали бакалавриат в вузе другой страны. Большинство студентов после окончания бакалавриата планируют оставаться в Казани, в том числе продолжить свое образование именно в Казанском федеральном университете.

Географический состав представлен студентами из 7 федеральных округов, преобладающее большинство (83%) представляют Приволжский федеральный округ, из них 51% проживал в Республике Татарстан.

Место проживания студента является достаточно важным фактором в оценке механизма адаптации, так как характер жилья играет большую роль в ощущение комфорта и безопасности. Более половины респондентов (51%) проживает вне общежитий университета (съёмная квартира (41%), съёмная комната в квартире (4%), у родственников и друзей (6%)). Съёмное жилье может быть более комфортным и уединенным, однако требует дополнительных финансовых затрат доступных не каждому. 14% респондентов имеют собственное жилье. Треть опрошенных (35%) живут в общежитиях университета. Общежитие является важным агентом социализации приезжих студентов. Характер социальной жизни и взаимодействия в общежитии, с одной стороны, активизируют адаптационные стратегии приезжих, с другой-вызывают эффект «культурного шока». Из ответов

интервью можно отметить, что процесс адаптации к жизни в новых условиях проживается через ощущение себя частью студенческого комьюнити «... обоснование уже в общежитии проходило довольно легко, потому что живешь среди таких же ребят, как и ты, такого же возраста, вы на одной волне, и вот эти все бытовые покупки они проходили навеселе, то есть даже покупка за шваброй (смеется) казалась очень-очень веселой...такой процедурой» (женщина, бакалавр, 3 курс). Другая информантка отмечает тот самый «культурный шок» от проживания в общежитии: «Переезд для меня происходил трудно, на самом деле трудно, потому что я никогда ни с кем не жила с незнакомцами, и первую неделю со мной здесь была мама и помогала мне адаптироваться.... Отрыв от дома... то есть ты приехал, ты не видишь каждый день того, с кем жил так долго, все свои 18 лет. Это эмоционально очень тяжело. Плюс ты живёшь с незнакомыми людьми и очень тяжело открываться, тяжело делиться, но это нужно преодолеть» (женщина, бакалавр, 3 курс). Адаптация иногородних в общежитии реализуется в самостоятельной организации быта, распределении бюджета, а также в построении межличностных отношений и поиске компромиссов.

Для того чтобы чувствовать себя в городе комфортно, необходимо лучше его узнать, понимать, как устроена инфраструктура, какие существуют места для отдыха, развлечений и прогулок, для встреч с друзьями, как работает общественный транспорт, какие районы являются наиболее привлекательными для жизни, иными словами, необходимо адаптироваться в новом месте. Средняя оценка освоенности респондентов в городе – 76%. Это достаточно высокий показатель, который, возможно, связан с тем, что в опросе принимали участие студенты старших курсов, проживающие в Казани не первый год. С другой стороны, он может быть связан с характеристиками студенчества, как особой социальной группы, стремящейся к широкому количеству социальных контактов, готовых к созидательной и преобразовательной деятельности, легко адаптирующимся к новым условиям ввиду психологической и социальной гибкости [5].

Одним из важнейших показателей эмоционального и психологического здоровья, а также неотъемлемой базовой потребностью человека является чувство безопасности. Безопасность, как характеристика города и региона проживания, является одной из важных черт, способствующих успешному процессу адаптации. Так 63% респондентов отмечают, что чувствуют себя безопасно в Казани в любом месте, по 11% чувствует себя безопасно только в районе своего проживания и в центре города, где много людей, такое же количество респондентов затрудняется ответить на данный вопрос, 2% отмечают, что не чувствует себя безопасно. Корреляционный анализ показывает, что в 62%

существует связь между чувством безопасности и освоенностью в городе. Тем выше процент освоенности респондентов в городе, тем более безопасно они себя ощущают.

Республика Татарстан в целом, и Казань в частности обладают важной специфической характеристикой, не свойственной большинству регионов России – это бикультурная составляющая региона. Самыми многочисленными национальностями, проживающими в Казани, являются русские (48,6 %) и татары (47,6%) [6], с одной стороны, этнически, конфессионально и культурно очень далекие друг от друга, с другой стороны, длительный период времени проживающие на одной территории. Исследователи, занимающиеся этноконфессиональными вопросами, отмечают, что грамотная политика местных властей в выстраивании межэтнических отношений сделала Татарстан регионом с высоким уровнем культурной и этнической толерантности [7]. Толерантное отношение распространяется не только на представителей других конфессий или национальностей, но и на тех, кто имеет статус приезжих [8]. По данным проведенного опроса 59% отметили положительное отношение (по сумме ответов «положительно» и «скорее положительно») местных к приезжим, ещё 34% отметили нейтральное отношение, 6 % затруднились ответить и лишь 1 % сказали, что отношение «скорее отрицательное». Такая ситуация, по мнению автора, характеризует благоприятную и комфортную среду в городе для процесса социальной адаптации.

Стоит отметить, что в интервью неоднократно повторялась мысль о том, что одним из барьеров образовательной миграции выступали высказывания об этнической неприязни в Казани к русским «... есть такая пугалка про Казань, в частности, про Татарстан вообще, что здесь якобы скептически относятся к русским... Вот когда я начал читать какие-то отзывы о Казани, там с периодичностью в трёх случаях на десять сталкивался с тем, что пугали национализмом. Когда я переехал, это оказалось мифом, и мне трудно представить, что здесь что-то может быть, по крайней мере, по отношению к русским.» (мужчина, бакалавр, 3 курс). О том же говорит другая информантка, что несмотря на такие характеристики города, все это оказалось мифом, и она не сталкивалась с проявлением национализма ни со стороны близкого круга общения, ни со стороны незнакомцев «Но, когда я сюда переезжала, мама мне сказала «тебя никто никуда не возьмёт. Ты русская. В Казани любит татар» – вот прям так и сказала... но на самом деле это не так. Так что, если вы не татарин, не бойтесь, приезжайте в Казань.» (женщина, бакалавр, 3 курс) Важно, что данный стереотип исходил от представителей старшего поколения (учителя, родители); распространен в сети Интернет; встречается как среди жителей других регионов России, так и среди жителей Татарстана. С другой

стороны, все информанты отметили, что почти сразу после переезда поняли, что этот стереотип не подтверждается при межличностном взаимодействии, и никак не повлиял на адаптацию в новых условиях общежития, вуза, работы, построения отношений, дружбы и т.д.

Несмотря на то, что власти проводят большую работу, формируя образ региона, ключевой характеристикой которого является высокий уровень межконфессиональной и межэтнической толерантности, данный стереотип представляет угрозу для привлекательности региона в целом, и Казани в частности, не только для образовательных мигрантов, но и для туристических, экономических, трудовых потоков и требует пристального внимания со стороны администрации города и республики при анализе причин его появления и распространения, а также мер по его искоренению.

В оценке процесса адаптации иногородних студентов важной характеристикой является идентификация себя как «чужака», «приезжего», «иного». Идентификация себя с одной из этих ролей через призму внутригородского взаимодействия оказывает влияние на открытость приезжих. Ранее автором было отмечено, что информанты, в целом, оценивают положительно отношение местных жителей к иногородним, что, в свою очередь, влияет на желание рассказать о своем статусе «неместного». Так 57% с гордостью говорят, откуда они родом, рассказывая о себе, 37% иногда рассказывают, иногда не рассказывают о том, что приезжие, менее 3% стараются не говорить о своем родном городе. Данные показывают, город, через отношение местного населения и высокую культуру толерантности, успешно справляется с принятием академических мигрантов, статус «приезжего» не становится центральным для респондентов.

Сочетание всех этих факторов (безопасность, доброжелательность местных, ощущение себя «своим»), высокий уровень толерантности) повышает привлекательность региона для дальнейшей ассимиляции в нем, а также влияет на привлечение новых иммиграционных потоков. Успешный процесс адаптации может характеризоваться желанием рассказать о городе переезда своему близкому окружению. Чтобы это выяснить, респондентам был задан вопрос «Порекомендуете ли вы Казань для переезда своим друзьям знакомым?». Распределение ответов следующие: 53% «точно порекомендовали», 40% «возможно порекомендовали», 4 % «затруднились ответить», по 2 % «скорее не порекомендуют» и «точно не будут рекомендовать». Существует статистически значимое различие средней оценки освоенности среди тех, кто дает разные рекомендации о переезде в Казань, так у тех, кто точно порекомендует Казань для переезда уровень освоенности 81%, а среди тех, кто точно не порекомендует – 62%. Таким образом, высо-

кий показатель освоённости образовательных мигрантов может послужить фактором для привлечения в регион нового притока молодежи, в том числе студенческой.

Образовательная миграция характеризуется переездом из одного места проживания в другой для получения образования. Как правило, это значит, что студенты покидают родной город, дом, семью, привычный круг друзей, оказываясь в незнакомой среде в одиночку. Чувство одиночества, тоска по дому и родным, с одной стороны, могут быть существенными препятствиями в процессе адаптации, с другой, оказывать эффект «мягкого входа» в новый жизненный этап, связанный с получением высшего образования. Большинство респондентов (79%) сохраняют связь с близкими людьми из родного города (44% из них отмечают, что там остались самые дорогие для них люди и 35% сохранили связи в родном городе, но и выстроили связи в Казани), у 16% не осталось никаких связей в городе после переезда, 3% отметили, что близких связей в родном городе никогда не было, 2% затруднились ответить. В интервью некоторые информанты отмечали, что чем теснее были связи в родном городе, тем сложнее давался переезд «... Это было тяжело. Мне хотелось переехать, уехать. Я ещё и приехала же в Казань, у меня по-прежнему продолжались отношения, и они продолжались до середины первого курса и меня это очень сильно тянуло куда угодно только не в Казань...» (женщина, бакалавр, выпускник). Иными словами, тесные связи в городе исхода хоть и не оказывали влияние на процесс адаптации, но осложняли его.

Тот факт, что Казань является студенческим городом [6, с. 11], значительно облегчает процесс адаптации, так как новоиспеченные студенты осваиваются в кругу таких же приезжих ребят, решают бытовые, образовательные вопросы среди представителей той же комьюнити, разделяя общие цели: «Ну, когда ты студент или живёшь в общежитии, это не так сложно (обосноваться -прим. автора), потому что там всё-таки... Все переехавшие, все... Не знают этот город. И тогда я заселилась в комнату с соседками совершенно случайно. И мы подружились все вместе. Мы начали куда-то ходить и всё такое.» (женщина, бакалавр, выпускник). После поступления в вуз и переезда из родного города студенты оказываются в ситуации неизбежной ресоциализации. Для молодого человека меняется привычное место проживания, инфраструктура, меняется круг близкого общения, возникают новые правила ведения быта

и бюджета, кто-то испытывает чувство одиночества, а кто-то, наоборот, не может справиться с необходимостью постоянного взаимодействия с окружающими людьми (одногруппники, преподаватели, администрация вуза, соседи по комнате и т.д.), ощущение «инаковости» и статус приезжего влияют на эмоциональное самочувствие и на желание активно включаться в жизнь университета, города, республики.

Выводы

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Освоенность в городе оказывает влияние на ощущение безопасности и на оценку доброжелательности местных жителей. Общежитие выступает агентом социализации с его особым устройством социального взаимодействия, включающего в себя регламентированные правила проживания, уравнивающие всех, общие бытовые проблемы, отсутствие личного пространства и необходимость постоянного межличностного взаимодействия, объединяющие мероприятия (субботники, дискотеки, кинопоказы и т.д.). Эти «экстренные» условия «вынуждают» приезжих студентов ускоренно вырабатывать адаптационные стратегии. Сочетание таких факторов, как чувство безопасности, ощущение себя «своим», доброжелательность местных, высокий уровень толерантности облегчают процесс адаптации студентов, повышая привлекательность региона для дальнейшей ассимиляции в нем. Город Казань позиционирует себя как «студенческий» город, что значительно облегчает процесс адаптации для образовательных мигрантов, ведь «притирание» к городу происходит среди людей с таким же социальным статусом – «приезжий» и «студент». Важно отметить, что адаптационные стратегии студентов и высокий адаптационный потенциал города взаимодействуют таким образом, что статус «приезжего» не становится центральным.

Все это благоприятно влияет на процесс адаптации молодежи, приехавшей учиться. В случае, если регион создает благоприятные условия в разных секторах: культурном, образовательном, экономическом и т.д., и ассимиляция в новом городе проходит достаточно успешно, тогда образовательная миграция становится толчком для карьерных и жизненных перспектив, а также для поиска работы и реализации своих возможностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашницкий Илья Савельевич, Мкртчян Никита Владимирович, Лешуков Олег Валерьевич. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. – 2016. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnaya-migratsiya-molodezhi-v-rossii-kompleksnyy-analiz-demograficheskoy-statistiki> (дата обращения: 11.10.2022).

2. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls. Paris, UNESCO. – 2018. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (дата обращения: 11.10.2022).
3. Barylа, E. A., & Dotterweich, D. Student Migration: Do Significant Factors Vary by Region. – Education Economics, 2001. – Vol. 9(3). – 269-280 pp.
4. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. – 2019. – № 5 (26). – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308197015.pdf> (дата обращения: 04.10.2022).
5. Ларионова Ирина Викторовна, Максимова Ольга Александровна Факторы этнической толерантности в республике Татарстан: поколенческий аспект // ВЭПС. – 2015. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-etnicheskoy-tolerantnosti-v-respublike-tatarstan-pokolencheskiy-aspekt> (дата обращения: 29.09.2022).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Мягченко Г.Ю. Социальные характеристики повседневной культуры студенчества // Аналитика культурологии. – 2007. – №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-harakteristiki-povsednevnoy-kultury-studenchestva> (дата обращения: 29.09.2022).
8. Ефлова М.Ю., Гимадеева Д.Р. Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т.155. – №6. – С.15–22.

Информация об авторе

Маяковская Анастасия Владимировна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии
Email: anastasya99999@mail.ru

Mayakovskaya A.V.

EDUCATIONAL MIGRATION AND PRACTICES OF SOCIAL ADAPTATION NONRESIDENT STUDENTS (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF KAZAN)

Abstract. The article discusses the process of social adaptation of students who came to the capital of the Republic of Tatarstan – the city of Kazan to receive higher professional education. The study is based on the use of a mix method using a questionnaire and in-depth interviews. The purpose of the study is to analyze the process of social adaptation of students to a new environment, as well as factors influencing the nature of adaptation. The author makes an attempt to understand how adaptation in the city, the attitude of locals and the status of a “newcomer” affect the feeling of security, the density of ties with former fellow countrymen, and the attitude to a former hometown. The focus of the study is aimed at the adaptation of academic migrants in the conditions of the city that was chosen for moving; the analysis takes into account the cultural characteristics of the city and the specifics of their influence on adaptation. An analysis of the practices of social adaptation of nonresident students made it possible to characterize the city of Kazan as a region with a high adaptive potential for newcomers.

Keywords: educational migration, adaptation of students, Kazan, students.

Literature

1. Kashnitsky Ilya Savelievich, Mkrtchyan Nikita Vladimirovich, Leshukov Oleg Valerievich Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics // Educational Issues. – 2016. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnaya-migratsiya-molodezhi-v-rossii-kompleksnyy-analiz-demograficheskoy-statistiki> (Date of access: 10/11/2022).
2. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls. Paris, UNESCO. 2018. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (дата обращения: 11.10.2022).
3. Barylа E.A., & Dotterweich D. Student Migration: Do Significant Factors Vary by Region. – Education Economics, 2001. – Vol. 9(3). – 269-280 pp.
4. Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. "From the Volga to the Yenisei...": educational migration of youth in Russia // Modern Analytics of Education. – 2019. – No. 5 (26). – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308197015.pdf> (date of access: 04.10.2022).
5. Myagchenko G. Yu. Social characteristics of everyday culture of students // Analytics of cultural studies. – 2007. – No. 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-harakteristiki-povsednevnoy-kultury-studenchestva> (date of access: 09/29/2022).
6. Official website of the Federal State Statistics Service for the Republic of Tatarstan. – URL: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD.pdf>

1%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%BD%D0% B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20 %D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1% 83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1% 80%D1%81%D1% 82%D0%B0%D0%BD.pdf (accessed 29.09.2022).

7. Larionova Irina Viktorovna, Maksimova Olga Alexandrovna Factors of ethnic tolerance in the Republic of Tatarstan: generational aspect // VEPS. – 2015. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-etnicheskoy-tolerantnosti-v-respublike-tatarstan-pokolencheskiy-aspekt> (date of access: 09/29/2022).

8. Efilova M.Yu., Gimadeeva D.R. Construction of religious identity in a multicultural society: social determinants // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Series: Humanities. – 2013. – V.155. – No. 6. – Pp.15–22.

Author

Mayakovskaya Anastasia Vladimirovna, Assistant, Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

Email: anastasya99999@mail.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#5 2022 (56)

Подписано в печать 20.10.2022

Дата выхода в свет 20.10.2022

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 6,1. Тираж 300 экз. Заказ № 90/10.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)